

ПИР – ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 8

Иван Сафранчук

ЯДЕРНЫЕ И РАКЕТНЫЕ ПРОГРАММЫ ИРАНА

И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: РАМКИ

РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МОСКВА, 1998

Научные Записки ПИР-Центра №8

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 8

Иван Сафранчук
научный сотрудник
ПИР-Центра

ЯДЕРНЫЕ И РАКЕТНЫЕ ПРОГРАММЫ ИРАНА И БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИИ: РАМКИ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Под редакцией кандидата политических наук
Дмитрия Евстафьева

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. ВЛИЯНИЕ ИРАНА НА БЕЗОПАСНОСТЬ РФ.....	5
Глава II. ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА.....	7
Организационная структура ядерной программы Ирана.....	7
Сотрудничество Ирана в ядерной области с иностранными государствами.....	8
Современное состояние ядерной программы Ирана.....	11
Современное состояние сотрудничества Ирана с другими странами в ядерной сфере.....	13
Право Ирана на развитие ядерной программы.....	13
Военная ядерная программа Ирана.....	15
Ядерные материалы, пригодные для создания ядерного взрывного устройства.....	16
Неядерные компоненты ядерного взрывного устройства.....	17
Предотвращение доступа Ирана к ядерным технологиям.....	18
Глава III. СРЕДСТВА ДОСТАВКИ, РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА...	19
Организационная структура ракетной промышленности.....	20
Объекты ракетной промышленности.....	20
Сотрудничество Ирана с зарубежными странами по ракетным программам.....	20
Российско-иранское сотрудничество в ракетной сфере и давление Запада.....	21
Глава IV. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С ИРАНОМ, ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ РОССИИ И ГРАНИЦЫ РОССИЙСКО- ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	26
Заключение.....	28
Список используемых сокращений.....	30
Источники, литература и комментарии.....	30

Научные Записки ПИР-Центра №8

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения рассмотрения системы ЭК в России Иран имеет особое значение как страна, с которой возможно обширное ВТС и сотрудничество в сфере технологий, которые могут быть использованными для создания ОМУ. Это модель, для рассмотрения принципиальных противоречий, возникающих при критическом экспорте.

Иран обладает мощной по региональным меркам армией, однако сталкивается с проблемами, общими для всех стран ТМ, стремящихся к увеличению своих силовых возможностей – усиление армии проводится в основном за счет *экстенсивных* мер. Для отхода от данной модели Иран стремится к проведению модернизационных программ, целью которых является оснащение армии современной военной техникой.

Внутренних возможностей для модернизации армии явно недостаточно. Как следствие, проводятся закупки военной техники за рубежом. По некоторым данным расходы Ирана на приобретение вооружений за рубежом в девяностые годы составляли 800 млн. долларов в год¹, что выводит Иран по этому показателю на третье место среди стран Ближнего и Среднего Востока. Иран сотрудничает с рядом европейских производителей военной техники. В конце восьмидесятых годов стало развиваться и советско-иранское сотрудничество в этой сфере².

Иран обвиняют в попытках приобрести ОМУ. Истоки этих программ относятся к временам, когда Иран особенно остро нуждался в дополнительных военных средствах для обеспечения собственной безопасности. Это справедливо как для ядерных, так и для химических, биологических и ракетных программ. Озабоченности Ирана в области безопасности, хотя и менялись по ряду показателей с течением времени, тем не менее всегда оставались актуальными.

В настоящей работе автор сознательно ограничивается рассмотрением не всего спектра иранских программ в области ОМУ, а только ядерных и ракетных. Это можно считать недостатком с точки зрения полноты картины иранских возможностей в вопросах ОМУ, поскольку, как считают западные эксперты, наибольшую активность Иран проявляет в приобретении неядерных ОМУ, и

средства доставки создаются именно под него. Правда, иранские власти отрицают наличие подобных планов³. В то же время, поскольку программы Ирана в области ОМУ рассматриваются не изолированно, а с учетом российско-иранского сотрудничества и ЭК, то сосредоточение внимания на ядерной и ракетной сферах представляется оправданным и логически обоснованным.

С нашей точки зрения, базовой категорией при рассмотрении конкретных случаев критического экспорта должно быть определение его соответствия национальным интересам страны. Принципиальными здесь являются два интереса: безопасность и экономическая целесообразность.

При таком соотношении интересов первичной является опция безопасности, при реализации которой можно переходить к рассмотрению экономической целесообразности. В этой связи логическая схема рассмотрения вопроса об экспортных поставках в Иран военной техники и технологий двойного назначения должна выглядеть следующим образом:

- влияние Ирана на безопасность РФ;
- перспективы создания в Иране ЯО и средств его доставки;
- перспективы сотрудничества с Ираном в рассматриваемых областях и их значимость для России;
- границы российского ВТС с Ираном.

Важность вопросов ЭК применительно к сотрудничеству с Ираном заключается в нескольких принципиальных моментах:

- вопрос об ЭК в отношении международного экономического (а по сути – политического) сотрудничества с Ираном является своего рода тестом для мирового сообщества на беспристрастность и объективность. Проблема состоит в том, что Иран является настолько важным субъектом мировой политики, что вокруг него существует серьезнейшее столкновение интересов различных государств, и именно это ставит два вопроса: *с одной стороны*, о соотношении политических интересов и формальных ограничений ЭК, а по сути о возможности политической интерпретации ограничений по ЭК, *с другой стороны* – о

Научные Записки ПИР-Центра №8

соотношении национального законодательства и международно-правовых норм;

- корректная и недискриминационная система ЭК во взаимоотношениях с Ираном может послужить для мирового сообщества парадигмой того, как осуществлять реинтеграцию в мировую экономическую систему государства, которые считаются париями и занимают специфическое место в международных отношениях.

То, каким образом удастся решить вопрос об экономическом сотрудничестве с Ираном, будет служить парадигмой и для других *центров силы*, которые заинтересованы в изменении сложившегося после распада СССР геополитического и геоэкономического статус-кво. Вопрос в конечном счете состоит в том, насколько новые *центры силы* будут воспринимать системы международных институтов в области нераспространения ОМУ и ЭК как справедливые, и насколько они будут заинтересованы в их сохранении и укреплении.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Глава I. ВЛИЯНИЕ ИРАНА НА БЕЗОПАСНОСТЬ РФ

Влияние Ирана на безопасность РФ определяется тем, что Иран представляет собой одну из наиболее мощных стран региона ЦА. Это относится не только к военной сфере, но и к экономическому потенциалу. Последнее определяется значительными запасами минеральных, прежде всего, углеводородных ресурсов. Вполне отчетливо просматривается стремление Ирана к доминированию в регионе.

Иран оказывает влияние на безопасность РФ в нескольких направлениях. *Во-первых*, Иран может рассматриваться как потенциальный источник внешних военных угроз. *Во-вторых*, Иран стремится к политическому и геополитическому влиянию в Закавказье, что отрицательно скажется на политике РФ по сохранению своего политического и экономического присутствия в данном регионе. *В-третьих*, Иран традиционно рассматривается как основная материально-техническая и идеологическая база исламских движений, в том числе и сепаратистского толка. В этой связи нельзя полностью исключать возможность распространения подобной деятельности Ирана и на территорию России. *В-четвертых*, Иран может рассматриваться, как конкурент РФ на мировых рынках нефти и газа.

Приведенные выше факторы, на первый взгляд, говорят за то, чтобы расценивать Иран как одного из основных политических и экономических конкурентов, а в потенциале и противников РФ. Действительно, во многих сферах Иран выступает как конкурент РФ. Однако пока нельзя рассматривать, как детерминированное, то положение, что эта конкуренция примет антагонистические, а не кооперационные формы сотрудничества. Выбор какой-то из них будет зависеть от общего вектора внешнеполитического курса РФ, в том числе и от политики в области ВТС и современных технологий.

Возможности кооперационных форм сотрудничества с Ираном, как в области геополитики, так и экономики определяются наличием других *игроков* в этих сферах, уровень противоречий с которыми превышает по своему реализованному и нереализованному потенциалу иранско-

русский. К таким *игрокам* можно отнести, прежде всего, США и Турцию.

Поле геополитического маневра Ирана не столь велико, как может показаться на первый взгляд, если судить о нем только по экономическому и военному потенциалу. Дело в том, что неперенным *довеском* при распространении иранского влияния является идеологическая модель, принятая в этой стране. Она же не устраивает лидеров мусульманских республик бывшего СССР и нынешней Российской Федерации, поскольку на этом поле они не могут гарантировать собственного доминирования в своих республиках. Модель экономического и социального развития Ирана так же не подходит для большинства представителей элит этих стран.

Таким образом, при наметившейся тенденции по проникновению в регион потенциального геополитического доминирования Ирана крупных западных стран, в первую очередь США, Иран рискует остаться без политических клиентов, что грозит в будущем реальной геополитической и экономической изоляцией.

Такое положение заставляет Иран в некоторых вопросах занимать – независимо от желания России – позиции, близкие к российским. Примерами здесь могут служить, в первую очередь, Карабахский вопрос и проблема Каспия, а также вопросы урегулирования конфликта в Афганистане. Здесь Иран занимал и занимает позиции, которые дают РФ и Ирану возможности совместной *игры*, что тем более актуально в условиях фактического игнорирования как российских, так и иранских интересов на Каспии другими прибрежными государствами⁴. Однако пока под давлением Запада, в первую очередь США, РФ практически не использовала эти возможности. Эта тема обсуждалась во время визита в Москву министра иностранных дел Ирана Камала Харрази в конце февраля 1998 года. Стороны подтвердили, что вопрос об использовании природных ресурсов Каспия должен решаться всеми прибрежными государствами совместно⁵.

Перспективы совместной игры России и Ирана надо рассматривать, как фактор переменный. *Во-первых*, при наметившейся тенденции к геополитическому замирению Ирана и США уровень их противоречий может резко снизиться, а именно его высокий

Научные Записки ПИР-Центра №8

уровень является основой для перевода российско-иранской конкуренции в различных сферах в кооперационные формы. Во-вторых, с нашей точки зрения, справедливой является формула превалирования возможностей над намерениями при оценке внешних угроз. Это означает, что потенциал перерастания российско-иранской конкуренции в антагонистические формы является перманентным, хотя и не детерминированным, вне зависимости от действия других факторов.

Россия не может затягивать определение собственной партии в *игре* с Ираном, иначе Иран может форсировать замирение с США для исключения реальной изоляции. При этом в случае с Ираном можно не опасаться того, что РФ будет использована им в качестве *bargaining point* при *торгах* с США. Дело в том, что даже наиболее мягкие варианты геополитического замирения США с Ираном предполагают значительное сокращение влияния и самостоятельности последнего. Иран, который во внешнеполитическом плане обладает исключительной *пассионарностью*, пойдет на это только в крайнем случае, то есть при реальной угрозе геополитической изоляции. А это дает гарантии того, что Иран не будет блефовать своей готовностью к сотрудничеству с Россией.

Одновременно Россия не может рассматривать Иран в качестве союзника и должна учитывать перспективу ухудшения

отношений с этой страной, вплоть до военного противостояния.

Применительно к ВТС и сотрудничеству в области мирного освоения критических технологий вышесказанное означает, что Россия должна развивать с Ираном сотрудничество в этих сферах, но в рамках и границах, которые исключают появление больших возможностей по использованию военной силы против России.

Более конкретно это означает, что РФ не заинтересована в появлении у Ирана ОМУ и, особенно, ЯО, а также средств его доставки с радиусом действия, позволяющим поражать территорию Российской Федерации. Можно полностью согласиться с позицией МО в данном вопросе: «[...] когда речь идет о государствах, находящихся в непосредственной близости от российских границ, мы более, чем другие страны заинтересованы в том, чтобы в этих районах не было распространения ракет и ракетных технологий, не создавалось оружия массового уничтожения. При этом для нас не имеет принципиального значения, о каком именно конкретном государстве идет речь»⁶. В этом же плане высказался и сотрудник ФСБ РФ Михаил Кириллин в интервью журналу *Ядерный Контроль*: «[...] Россия в значительно большей мере, чем США, заинтересована в том, чтобы в непосредственной близости от ее российских, южных границ, никогда и ни за что не появились государства с развитым, дальнего радиуса действия ракетным потенциалом»⁷.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Глава II. ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Ядерная программа Ирана начиналась еще при шахском режиме в середине семидесятых годов. Тогда большая часть мирового сообщества, в том числе и США, не выражала беспокойства по поводу возможного военного использования атомной энергии шахским режимом⁸.

В то время была принята обширная программа строительства ядерных реакторов на территории Ирана: планировалось строительство 23 реакторов. Финансирование программы было щедрым: по плану до 2000 года на развитие мирного атома должно было быть использовано 30 млрд долларов⁹.

После исламской революции в 1979 году планы по развитию ядерной энергетики были практически свернуты¹⁰. Иностранные специалисты покинули страну, в результате чего остались недостроенными некоторые объекты, в частности АЭС в Бушере. Большая часть иранских специалистов также покинула страну, переехав за рубеж, преимущественно в европейские страны.

Шахская ядерная программа была основана на иностранной технической и финансовой помощи, то есть была несамостоятельной. Новые власти Ирана от нее отказались, поскольку был взят курс на искоренение зависимости Ирана от иностранного содействия в различных сферах экономики¹¹.

В первой половине восьмидесятых годов Иран стал предпринимать попытки, если не по возрождению планов в области ядерной энергетики, то, по крайней мере, по исключению полного развала этой сферы. Продолжал работу ядерный центр в Тегеранском университете, где еще с шахских времен остался ядерный реактор американского производства, поставленный в 1978 году. Кроме этого, своими силами во второй половине восьмидесятых годов Иран создал исследовательский ядерный центр в Исфахане, где был поставлен небольшой китайский реактор¹². В это же время Иран начал разработку урановой руды в провинции Йезд.

Современная программа Ирана по развитию ядерной энергетики проводится в рамках общего комплекса мероприятий по развитию экономики, которая значительно пострадала в восьмидесятые годы в результате как

внутриэкономической политики религиозно ориентированных властей, так и экономических санкций и войны¹³. В стране был принят *план развития* на 1989-1994 годы, в соответствии с которым предполагалось проведение модернизации экономики и расширение индустриальной базы. Основой финансирования этого плана стала выручка от экспорта энергоресурсов. За счет индустриализации предполагалось расширить экспортную базу. Однако подобные планы связаны с ростом потребления электроэнергии. Оценка возможностей Ирана по самообеспечению энергетическими ресурсами показывает, что они недостаточны¹⁴. Именно поэтому в конце восьмидесятых годов Иран обратил внимание на развитие мощностей по производству электроэнергии. Иранские специалисты в сотрудничестве со своими иностранными коллегами, в том числе и российскими, исследовали возможности по строительству ГЭС. Но пришли к выводу, что водных ресурсов Ирана для этих целей не достаточно¹⁵.

Приоритет был отдан ядерной энергетике. Предполагалось строительство пяти АЭС. Общая сумма затрат неизвестна, но по некоторым расчетам Иран запланировал на эти цели бюджетные расходы в размере 4,2 млрд долларов на три года. В бюджете 1992 года было выделено 1,1 миллиарда долларов¹⁶.

К началу девяностых годов Иран (хотя и в гораздо меньших объемах, нежели при шахе) поддерживал и старался развивать ядерную энергетику. Опыт создания исследовательского центра в Исфахане показал, что Иран остро нуждается в иностранной помощи в ядерной сфере. Причем, эта помощь должна охватывать два основных направления: *первое* – поставки оборудования и ядерных материалов, *второе* – оказание технического содействия, предоставление специалистов (нехватка специалистов была одной из основных проблем Ирана, поэтому наравне с подготовкой новых со второй половины восьмидесятых годов иранские власти взяли курс на привлечение обратно на родину тех, кто уехал после революции¹⁷), консультаций и т.д.

Организационная структура ядерной программы Ирана

Программами страны в этой сфере руководит ОАЭИ, которая была создана в 1974 году¹⁸.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Через нее осуществляется финансирование конкретных программ из бюджета страны. Эта структура подчиняется непосредственно президенту Ирана¹⁹. В конкретных вопросах она сотрудничает с заинтересованными иранскими министерствами. Например, с министерствами тяжелой промышленности, добывающей промышленности и металлов.

Время от времени появляются сведения о том, что ОАЭИ не полностью контролирует ядерные программы, и что часть из них ведется под прикрытием военных²⁰: министерства обороны и Корпуса стражей иранской революции²¹. Достоверных данных на этот счет нет.

Сотрудничество Ирана в ядерной области с иностранными государствами

С начала девяностых годов Иран начинает более активно работать по развитию сотрудничества в ядерной области с целым рядом стран для преодоления приводившихся ранее трудностей. Среди партнеров Ирана в разное время были Аргентина, Бразилия, Пакистан, Китай, Индия, Бельгия, Германия, Испания, Южная Корея, Куба, Россия (СССР)²².

Аргентина. Во второй половине восьмидесятых – начале девяностых годов Аргентина проявляла значительный интерес к развитию сотрудничества в ядерной сфере с Ираном в виде поставок оборудования и топлива для АЭС. В восьмидесятые годы Аргентина поставила в Иран сердечник и ядерное топливо для реактора в Тегеранском университете²³. Однако в девяностые годы сотрудничество было практически свернуто из-за давления США. От дальнейших поставок, принципиальная договоренность о которых была достигнута, Аргентина отказалась.

Бразилия. В конце восьмидесятых годов наметились перспективы обширного сотрудничества в ядерной сфере между Ираном и Бразилией. В частности, Бразилия изучала возможность строительства в Иране АЭС. Однако под давлением США в девяностые годы сотрудничество в ядерной области было свернуто.

Пакистан. В восьмидесятые годы Пакистан неоднократно делал заявления о желании сотрудничать с Ираном в ядерной области, однако в реальные проекты эти заявления не претворялись. В девяностые годы Пакистан отошел от этой линии и объявил о своем отказе сотрудничать с Ираном. После пакистанских ядерных испытаний тема пакистанско-иранского сотрудничества в ядерной сфере получила новый импульс. Иран приветствовал появление *мусульманской атомной бомбы*. В ответ Пакистан выразил *глубокое удовлетворение* по поводу испытания в Иране ракеты *Шахаб-3*²⁴. В то же время Пакистан подтвердил, что не будет передавать ядерные технологии Ирану²⁵. В целом, как представляется, эти заявления стоит расценивать, как политические шаги, за которыми не последуют изменения подходов к сотрудничеству в ядерной сфере²⁶.

Индия. Индия активно пыталась выйти на международный рынок ядерных технологий, что предопределяло ее интерес к сотрудничеству с Ираном в восьмидесятые годы. В девяностые годы, несмотря на сильное давление США, Индия намеривалась осуществить поставки в Иран оборудования для АЭС. Однако в конце концов была вынуждена от этого отказаться под угрозой приостановки американской помощи. После ядерных испытаний в Индии отношения этой страны с Ираном обострились²⁷.

Куба. Сотрудничество с Кубой носит в основном демонстративный и тактический характер, поскольку обе страны являются импортерами ядерных технологий и топлива и мало чем могут быть полезны друг другу. Перспективы проведения скоординированной импортной политики в ядерной сфере для них крайне ограничены. Между двумя странами есть договор о сотрудничестве в развитии ядерной энергетики, формализующий их связи. Однако реального сотрудничества ожидать не приходится. В то же время он помогает обеим странам противостоять курсу по их изоляции и перекрытию доступа к ядерным технологиям.

Бельгия и Германия. Из этих стран на уровне частных фирм в Иран осуществлялись поставки отдельных элементов оборудования для АЭС и реакторов. Немецкая компания *Siemens* строила АЭС в Бушере, но не завершила его. В результате давления США в обеих странах были ужесточены режимы ЭК и сотрудничество прекращено.

Испания. В конце восьмидесятых годов Иран пытался привлечь Испанию к завершению строительства АЭС в Бушере²⁸. В феврале 1990 года была заключена сделка на поставку в Иран ядерного топлива²⁹. Но в обоих случаях достигнутые договоренности не были реализованы из-за давления США.

Китай. С середины восьмидесятых годов, когда Иран возобновил в ограниченном объеме ядерные программы, Китай стал одним из основных партнеров Ирана. Китай поставил в Иран мини реактор. Неоднократно появлялись сообщения о том, что это был не единственный китайский реактор в Иране, однако они не имели своего подтверждения. Китай оказывал Ирану содействие в обучении студентов и подготовке специалистов. В 1997 году КНР под давлением США была вынуждена отказаться от планов строительства в Иране АЭС.

Россия. Советский Союз вышел на иранский рынок только в самом конце восьмидесятых годов, что объясняется позицией СССР в вопросе об иранско-иракской войны. Только после ее окончания активизировались двусторонние отношения Советского Союза и Ирана.

В 1989 году была принята долгосрочная торгово-экономическая программа сотрудничества с Ираном до 2000 года. Соглашение было подписано между ОАЭИ и министерством транспорта СССР. В рамках принятой программы советские специалисты привлекались иранской стороной для оценки перспектив увеличения производства электроэнергии и определения возможностей для этого. По всей видимости, подготовка

Научные Записки ПИР-Центра №8

контракта собственно на строительство АЭС в Иране началась примерно в 1991 году.

В соответствии с планом развития страны иранское правительство хотело не только достроить бушерскую АЭС, но и построить две-три новые станции. Относительно АЭС в Бушере, правительство Ирана вело переговоры с рядом европейских и южно-американских компаний. России предлагалось построить новую АЭС на севере страны, на берегу Каспийского моря, вблизи города Горган³⁰. Однако после работ по исследованию территории, специалисты не нашли подходящей площадки под АЭС и предложили перенести ее на юг страны, к Персидскому заливу³¹. Примерно в это же время переговоры Ирана с рядом государств о достройке АЭС в Бушере стали заходить в тупик. Тогда РФ предложила достроить АЭС в Бушере³².

17 августа 1992 года было подписано советско-иранское соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях». Оно подверглось резкой критике на Западе³³. В апреле 1993 года соглашение было ратифицировано иранской стороной и вступило в силу³⁴. Предмет договоренностей оценивался различными специалистами по-разному: одни говорили, что предусматривается строительство одной АЭС³⁵, другие, - двух³⁶.

8 января 1995 года в Тегеране были приняты два документа:

- контракт на завершение строительства блока №1 АЭС *Бушер*, который был подписан производственным объединением *Зарубежатомаэнергострой* и ОАЭИ;
- «Протокол переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии проф. В.Н. Михайловым и Вице-президентом Исламской Республики Иран, президентом Организации по атомной энергии Ирана д-ром Р. Амроллахи».

Положения контракта были согласованы в конце сентября 1994 года³⁷. Тот факт, что между согласованием проекта контракта и его реальным подписанием прошло всего три месяца, говорит о том, что к тому времени разногласия внутри российского руководства по вопросу о контракте с Ираном и реакции

на него со стороны США уже были преодолены. Возможно, это случилось даже раньше. Например, по некоторым данным подписание контракта могло состояться еще в конце 1993 года³⁸, но было отложено: возможно не столько из-за давления США, сколько из-за внутривнутриполитической ситуации в России (октябрьские события 1993 года, выборы в декабре 1993 года).

Текст контракта не публиковался, в связи с чем возникли различные трактовки его содержания. По одним данным предусматривалось строительство одного реактора типа ВВЭР-1000, а также возможность строительства еще одного аналогичного блока в будущем³⁹. По другим данным, стороны договорились о строительстве двух реакторов ВВЭР-440 и *доведении до ума* двух реакторов ВВЭР-1000⁴⁰.

Принципиально правы были и те, и другие, поскольку, как стало известно от министра по атомной энергии России, российская компания по контракту получила заказ на достройку АЭС (проведение подготовительных и строительных работ⁴¹), и на установку там российского реактора мощностью 1000 МВт⁴². Но предполагалось, что в будущем Россия сможет поставить в Иран еще три реактора. Один – на 1000 МВт, и два – по 440 МВт каждый⁴³. Сроки исполнения контракта составляют, по всем источникам, 55 месяцев⁴⁴.

Не до конца проясненным остается вопрос о судьбе ОЯТ с поставленных Россией реакторов. По одним данным, в контракте предусмотрено их возвращение в Россию для переработки, после чего часть из них должна возвращаться в страну, где расположена АЭС (это высокоактивные радиоактивные отходы), а часть оставаться в РФ (средне- и низкоактивные отходы)⁴⁵. С этим, правда, могли возникнуть проблемы, поскольку по российскому законодательству ввоз в Россию радиоактивных отходов запрещен (к этой категории отнесено и ОЯТ с АЭС)⁴⁶. Со ссылкой на высокопоставленного сотрудника Минатома сообщалось, что стороны не пришли к соглашению о судьбе ОЯТ, и этот вопрос остался открытым⁴⁷.

Общая сумма сделки, по различным данным, составляет от 800 млн долларов⁴⁸ до миллиарда⁴⁹. Предположительно эта сумма состоит из нескольких частей: 780 млн за установку реактора, около 150 млн –

Научные Записки ПИР-Центра №8

строительные работы, около 20 млн – предварительное обследование конструкции⁵⁰. Это оценки суммы контракта на один реактор. При поставке еще трех они значительно увеличиваются: по некоторым западным источникам – до восьми миллиардов долларов⁵¹ (что явно неправдоподобно); по сведениям бывшего министра Виктора Михайлова, – до трех – трех с половиной миллиардов⁵².

В «Протоколе переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии проф. В.Н. Михайловым и Вице-президентом Исламской Республики Иран, президентом Организации по атомной энергии Ирана доктором Р. Амроллахи» стороны среди прочего решили поручить своим компетентным организациям подготовить и подписать:

- в течение трех месяцев контракт на поставку из России легководного реактора для исследовательских целей мощностью 30-50 МВт;
- в течение первого квартала 1995 года контракт на поставку из России 2000 тонн природного урана;
- в течение первого квартала 1995 года контракт на подготовку для Ирана научных кадров в учебных заведениях России (МИФИ), ежегодно 10-20 человек (аспиранты и доктора);
- в шестимесячный срок контракт на сооружение в Иране урановой шахты, после чего провести переговоры по подписанию контракта на строительство центрифужного завода по обогащению урана на условиях, аналогичных условиям контрактов, заключенных российскими организациями с фирмами третьих стран.

Этот протокол жестко критиковался Западом⁵³: Россию обвинили в помощи Ирану в создании ЯО. Основные претензии США и Израиля сводились к следующему:

1. Российский реактор может использоваться для наработки оружейного плутония.
2. Технологии и оборудование по обогащению урана будут использоваться иранской стороной в военных целях⁵⁴.
3. Сотрудничество с Ираном в области атомной энергетики даст возможность Ирану получить опыт работы с ядерными материалами, что будет способствовать их военной ядерной программе⁵⁵.

На самом деле российский реактор не способен набирать оружейный плутоний⁵⁶. Содержание плутония-239 в отработанном топливе реакторов ВВЭР не превышает 56,5%. А для военных целей процентное содержание плутония-239 должно быть не менее 93,5%, а еще лучше 97%⁵⁷. Теоретически есть возможность доведения отработанного топлива до оружейной кондиции. Однако это связано со значительными техническими сложностями, необходимо строительство крупных комбинатов. Снять все подобные сомнения должно возвращение ОЯТ в Россию на переработку.

Контакты в сфере добычи и обогащения урановой руды начались еще во времена Советского Союза. В октябре 1991 года (с 15 по 24 число) в Иране находилась делегация советских специалистов, которая, как предполагается, обсуждала возможности добычи урана и других редкоземельных металлов⁵⁸. С аргументами США в этом вопросе РФ согласилась. Положение о проведении переговоров и подписании контракта на строительство центрифужного завода было включено в протокол без достаточной проработки и противоречило международным обязательствам России в области нераспространения. Эта часть протокола выполнена не будет по личному распоряжению президента РФ⁵⁹.

Аргументы США, что иранцы *поднаберутся опыта* для создания собственной атомной бомбы, расцениваются в России как неправомерная постановка вопроса. Есть договор ДНЯО, Иран его выполняет, более того, Иран согласился с новыми правилами инспекции по программе 93+2⁶⁰. В связи с этим Иран имеет право на доступ к ядерным технологиям.

С юридической стороны вопроса контракт с Ираном практически безупречен. Специалисты Минатома специально прорабатывали этот вопрос. В частности, российская сторона «два года не подписывала никаких документов до тех пор, пока Иран не заключил соглашение с МАГАТЭ о всеобъемлющем контроле над всеми атомными объектами в этой стране»⁶¹. Сделка полностью отвечает требованиям МАГАТЭ, с чем согласились и на Западе.

Критики российско-иранского сотрудничества в области мирного атома стали делать акцент не на юридической

Научные Записки ПИР-Центра №8

стороне вопроса, а на *целесообразности* сделки. *Во-первых*, США увязывали отказ от контракта с предоставлением РФ финансовой помощи (эта идея возникла на Капитолийском холме и формально администрация не имеет к ней отношения, более того, представители администрации президента попытались смягчить атаки конгрессменов; однако объективно такая позиция Конгресса помогала в давлении на РФ), с участием РФ в *семерке* и ее превращением в *восьмерку* (об этом говорил госсекретарь Уоррен Кристофер)⁶². В разговорах *не для печати* некоторые американские специалисты высказывали даже возможность увязки вопроса строительства АЭС в Бушере с переговорами по ПРО.

Во-вторых, давление оказывалось через дискредитацию Ирана. *С одной стороны*, доказывалось наличие в этой стране военной ядерной программы, *с другой* – американцы пытались убедить российских чиновников, что Иран не способен выполнить финансовые условия сделки⁶³.

США с марта 1995 года активно начали *давить* на РФ с целью вынудить ее отказаться от сотрудничества с Ираном⁶⁴. По сути, ни одна российско-американская встреча на высоком и высшем уровне не проходила без обсуждения этой проблемы. Наиболее сложным в этом плане был 1995 год. За неделю до российско-американской встречи на высшем уровне госсекретарь Кристофер заявил, что США будут добиваться прекращения российско-иранского сотрудничества безо всяких компромиссов⁶⁵. На самой встрече президент Билл Клинтон убеждал Бориса Ельцина в наличии у Ирана секретной военной ядерной программы. Российская сторона пошла на частичные уступки: президент РФ обещал, что из российско-иранского соглашения будет изъята *военная часть*⁶⁶.

В 1995 году этот вопрос, как планировалось, должен был стать одним из центральных на встрече Гор-Черномырдин. Однако этого не произошло⁶⁷.

В 1996 году данная тема стала предметом двусторонних дискуссий на саммите по ядерной безопасности в Москве. Однако в 1996 году накал критики в адрес России несколько спал, что, по всей видимости, было связано с президентскими выборами и последовавшей неработоспособностью президента РФ.

В 1997 году критика вновь усилилась, и к ней активнее подключился Израиль, что проявилось во время визита в Москву премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху⁶⁸. Однако на первый план здесь вышел вопрос о ракетных программах Ирана⁶⁹.

Через месяц после израильского премьера РФ посетил председатель иранского меджлиса Али Акбар Натекури, которого в Москве рассматривали, как основного претендента на пост президента Ирана. Али Акбар Натекури встречался с президентом РФ, от которого, по всей видимости, получил подтверждение позиции России на развитие сотрудничества⁷⁰. Во время визита в РФ министра иностранных дел Ирана (февраль 1998 года) российская сторона также подтвердила намерение выполнить условия контракта⁷¹.

На критику прессы в преддверии визита в США премьер-министра в марте 1998 года российская сторона ответила заявлением премьер-министра: «Москва не передавала Ирану или какой-либо другой стране ракетных и ядерных технологий в нарушение действующего международного режима»⁷². В это же время госсекретарь США Мадлен Олбрайт с кратким визитом посетила Киев, после чего стало известно об отказе украинской стороны от участия в бушерском проекте.

Во время встречи Гор-Черномырдин США увязали ряд проектов российско-американского сотрудничества в космической области с вопросом российско-иранского сотрудничества в сфере ядерной энергетики: американцы ставили условием российского участия в проекте *Альфа*, финансирование ряда других российских космических программ⁷³ и увеличение квоты РФ на коммерческие запуски с помощью российских ракет-носителей иностранных спутников с американскими компонентами⁷⁴, отказ от российско-иранского контракта по АЭС в Бушере и протокола о дальнейшем сотрудничестве.

Однако российская сторона смогла уклониться от дачи каких-либо формальных обязательств, отстаивая свое право на сотрудничество с Ираном в рамках МП. Особо настаивать на данной тематике не стали и американцы, так как повестка дня имела более приоритетные политические вопросы.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Контракт на строительство АЭС в Бушере Россия начала выполнять в январе 1996 года⁷⁵. Первоначально на сооружении станции работало около 750 российских специалистов, которые приспособляли строительную площадку под геометрию российского реактора на легкой воде ВВЭР-1000. В последствии, когда работы по сооружению объекта развернулись в полном объеме, количество российских специалистов возросло до 1000 человек. Россия готова, наряду с достройкой существующих энергоблоков, приступить к сооружению в Бушере еще двух, – оснащенных современными российскими реакторами ВВЭР-440. Договоренность об этом зафиксировали в дополнительном соглашении, которое было подписано в ходе визита в Тегеран российской делегации во главе с вице-премьером Владимиром Булгаком⁷⁶.

Пока неизвестно, согласовал ли Минатом с Ираном до конца схему оплаты выполняемых работ и банк, через который будут осуществляться платежи. В начале 1996 года, согласно разделительному протоколу, выполнение основной части контракта по производству атомного реактора было поручено Ижорскому машиностроительному заводу. В качестве соучастников проекта названы Подольский машиностроительный завод, *Энергомаш* в Чехове и волгодонский *Атоммаш*. В Бушер уже частично поставлено оборудование, в том числе, устройства по транспортировке ядерного топлива, шлюзы, система биозащиты и компенсатор давления.

В России в учебном центре Нововоронежской АЭС организовано обучение иранского персонала будущей станции⁷⁷. Российская сторона предполагает уложиться в отведенные контрактом 55 месяцев, хотя сейчас по вине иранской стороны наблюдается значительное отставание от графика строительства⁷⁸. В результате были пересмотрены условия контракта, но не в сторону продления сроков, а в сторону передачи большего объема работ российской стороне. В феврале 1998 года Россия и Иран договорились, что РФ не просто окажет помощь в сооружении АЭС, а сдаст ее *под ключ*⁷⁹.

В начале апреля 1998 года Минатом объявил о заинтересованности России в поставках в Иран исследовательского реактора со степенью обогащения до 20%⁸⁰. Евгений Адамов объяснил это следующим образом:

«Я не хотел бы, чтобы через 15 лет начавшийся сегодня пребыванием американских спортсменов⁸¹ в Иране флирт на политическом уровне закончился тем, что США, например, поставили туда [в Иран – Авт.] исследовательский реактор с 90-процентным обогащением. То есть четко с тем же самым топливом, которое используется и для оружия»⁸². Это заявление критиковали в США и Израиле. Вскоре появилась статья в израильской газете *Jerusalem Post*, в которой говорилось о якобы имевших место поставках из РФ в Иран ЯО⁸³.

В мае 1998 года в Россию приехал вице-президент Ирана, президент ОАЭИ Реза Ага-Заде. Программа его пребывания была обширной. В ходе визита министр по атомной энергии Адамов дополнительно разъяснил цели возможной поставки исследовательского реактора: «Я не понимаю, как страна может приступить к эксплуатации такого сложного объекта, как АЭС, без исследовательской базы. И в нашем соглашении с Ираном такого рода работа предусмотрена»⁸⁴. Но детально этот вопрос в ходе визита не обсуждался, поскольку правительство России не выдало Минатому разрешения на эту сделку⁸⁵.

Евгений Адамов ставил перед иранской стороной вопрос и о других вариантах расширения сотрудничества в области мирного атома, в частности о постройке Россией еще одного энергоблока с нуля⁸⁶.

Объем работ, которые будут выполнены российской стороной, увеличился после отказа Украины поставить турбины для бушерской АЭС. Это было сделано во время визита в Киев госсекретаря США Мадлен Олбрайт, вскоре после подписания дополнительного соглашения между РФ и Ираном о строительстве в Бушере еще двух энергоблоков, и незадолго до встречи Гор-Черномырдин. Причем, чуть раньше, во время визита в Москву, украинский президент Леонид Кучма подтвердил участие его страны в этом проекте⁸⁷. По заявлениям российской стороны, отказ Украины от участия в бушерском *проекте не окажет заметного влияния на реализацию проекта*⁸⁸. И министр по атомной энергии, и его первый заместитель Лев Рябев заявляли, что проблем с изготовлением турбин на российских предприятиях не будет⁸⁹.

Из анализа российско-иранского сотрудничества в ядерной энергетике можно сделать вывод, что для российской стороны

Научные Записки ПИР-Центра №8

оно носит, прежде всего, коммерческий характер. Нет признаков, что российские власти или отдельные группы преследуют некие политические цели, которые превалируют над экономическими интересами и определяют рамки российско-иранского сотрудничества со стороны РФ. Показательны в этом плане слова первого заместителя министра по атомной энергии Льва Рябева: «Да, мы воюем за рынки, но воюем цивилизованно, в рамках правил [...]. До сих пор никто не мог предъявить нам каких-то конкретных претензий»⁹⁰.

Современное состояние ядерной программы Ирана

В настоящее время у Ирана имеются два ядерных реактора. Исследовательский реактор мощностью пять мегаватт американского производства, приобретенный еще шахским режимом⁹¹, расположен в Тегеранском университете. Топливо для него в восьмидесятые годы было закуплено в Аргентине⁹². По некоторым данным, там же был закуплен и сердечник⁹³. Объект находится под контролем МАГАТЭ.

Исследовательский мини-реактор китайского производства (нулевой мощности на тяжелой воде) и две подкритические сборки, также поставленные Китаем, в Исфаханском ядерном исследовательском центре. Объект подлежит инспекциям МАГАТЭ⁹⁴.

К другим объектам иранской ядерной программы относятся:

- недействующая установка по производству концентрата урановой руды, расположенная в Тегеранском университете⁹⁵;
- по некоторым данным, в Технологическом университете Шариф (Тегеран) расположены действующие центрифуги иранского производства по обогащению урана⁹⁶. В ноябре 1993 года на объекте была инспекция МАГАТЭ, но никакой подозрительной деятельности обнаружено не было⁹⁷;
- урановые месторождения Саган в провинции Йезд. На них ведется добыча урановой руды. Объект был проинспектирован специалистами МАГАТЭ. Они не выявили на нем запрещенной деятельности⁹⁸;
- объект Моаллем Калайе находится в процессе строительства. Здесь западные источники предполагали проведение незаявленных ядерных работ.

Проведенная в феврале 1992 года инспекция МАГАТЭ в своем заключении не подтвердила наличие ядерной деятельности на этом объекте⁹⁹;

- ядерный исследовательский центр для сельского хозяйства и медицины в Кередже. Нет данных, подтверждающих возможность проведения на нем работ с радиоактивными материалами¹⁰⁰.

Современное состояние ядерной программы Ирана показывает, что она находится в зачаточном состоянии. Проблемы у Ирана в этой области те же, что и в конце восьмидесятых годов: отсутствие необходимого оборудования (АЭС, реакторы), недостаток специалистов и ядерных материалов.

Возможностей по самостоятельному преодолению этих трудностей у Ирана нет. Страна справится со стоящими перед ней проблемами в этой области только с помощью обширного сотрудничества с зарубежными странами.

Современное состояние сотрудничества Ирана с другими странами в ядерной сфере

В девяностые годы в результате давления США от сотрудничества с Ираном в ядерной сфере отказались почти все бывшие партнеры Ирана. Готовы продолжать сотрудничать только Куба и Россия. США в основном достигли своей цели – предотвратить доступ Ирана к ядерным технологиям.

Право Ирана на развитие ядерной программы

С точки зрения МП, Иран имеет полное право на развитие национальной ядерной программы. Страна подписала и ратифицировала ДНЯО, по которому она не только имеет право самостоятельно развивать ядерную энергетику, но (по статье IV ДНЯО) развитые страны обязаны оказывать ей содействие в развитии мирной ядерной энергетики.

Этот аргумент активно используется иранской стороной, причем временами в достаточно жесткой форме. Так, например, на третьей сессии Подготовительного комитета по рассмотрению действия и продлению ДНЯО в сентябре 1994 года Иран заявил о возможности своего выхода из договора на том основании, что эмбарго стран Запада является нарушением статьи IV ДНЯО, дающей «неотъемлемое право всем

Научные Записки ПИР-Центра №8

участникам договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях, а так же полный доступ к оборудованию, материалам, научной и технической информации»¹⁰¹.

Справедливость позиции Ирана в формальном плане признают многие на Западе¹⁰². Более того, признается, что и российские реакторы прямо не влияют на способность Ирана создать ЯО, поскольку будут находиться под контролем МАГАТЭ¹⁰³. В этой связи неправомерны, с точки зрения МП, попытки США предотвратить доступ Ирана к ядерным технологиям. Эти действия могут расцениваться как правомерные только, если Иран нарушит свои обязательства по ДНЯО, то есть создаст ЯО. Об этом заявил 3 октября 1994 года и генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс¹⁰⁴.

На саммите *семерки* в Галифаксе в 1995 году было решено, что все страны обязаны немедленно остановить свое сотрудничество с Ираном в случае, если «будут предоставлены сведения о намерении Ирана приобрести ядерное оружие»¹⁰⁵. Эта формулировка не многим мягче использовавшейся западными странами, прежде всего США и Великобританией, в ходе КРПДНЯО, которая состоялась за несколько месяцев до встречи в Галифаксе. Так, министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд на одном из заседаний заявил: «Он [режим ДНЯО – Авт.] ущемляет лишь страны подобные Ирану, намерения которых вызывают всеобщие сомнения»¹⁰⁶. Президент США через несколько дней после английского заявления объявил о введении санкций против Ирана: «Кто-то утверждает, что лучший путь к изменению поведения Ирана – сблизиться с ним. Однако пример последних двух лет показывает обратное. Аппетиты Ирана в области создания и развития ядерного оружия и ракетных систем доставки только возрастают»¹⁰⁷. Одновременно сам Иран вел себя на конференции сдержанно и вполне конструктивно, фактически отказавшись от жесткой позиции, которой он придерживался в ходе подготовки КРПДНЯО. Но даже примирительный тон Ирана трактовался предвзято. Наиболее популярный комментарий был таким: «[...] когда страна работает над созданием своей атомной бомбы, она обычно на международных форумах помалкивает, либо стремится не выделяться, – шум ей не нужен»¹⁰⁸.

Характерно, что говорится о *намерении приобрести ЯО*. Это объективно облегчает задачу по дискредитации иранского режима. Можно постоянно устраивать *утечки* о намерениях Ирана из *компетентных органов*, представляя их как достаточное основание для блокирования сотрудничества с Ираном. В то же время при такой формулировке могут не приниматься во внимание данные проверок МАГАТЭ, в результате которых не обнаруживается конкретных шагов Ирана по созданию ЯО, поскольку интерпретируется это как то, что намерения еще не претворились в конкретные действия, из чего следует вывод: надо и не дать им претвориться, то есть необходимо перекрыть доступ Ирана к ядерным технологиям. США уже действуют по такой схеме: регулярно обвиняют Иран в наличии военной ядерной программы¹⁰⁹.

Решения *семерки* нельзя рассматривать как полноценные документы международно-правового характера, тем более обязательные для стран, не входящих в эту группу. А значит они не источник международного права. Документом, определяющим право Ирана на доступ к мирным ядерным технологиям промышленно-развитых стран, является ДНЯО. Иран имеет полное право не признавать решение, принятое в Галифаксе и не соглашаться с дискриминационными мерами, введенными на его основе.

До настоящего времени Иран не был уличен в деятельности, противоречащей ДНЯО. Время от времени такие обвинения появляются. Наиболее характерные из них приведены далее.

Иран обвиняли в незаконном приобретении ядерных компонентов на *черном рынке* в восьмидесятые годы¹¹⁰. По некоторым данным достаточно длительное время центром нелегальной торговли ядерными компонентами являлся Хартум; появлялись сведения, что Иран делал там закупки¹¹¹. Правда, не уточнялось, какие именно материалы и в каком количестве приобретались. По тем же сведениям, на этом *черном рынке* приобретал ядерные материалы и Израиль¹¹². Однако по причине подозрения в таких нелегальных приобретениях дискриминации в вопросах доступа к ядерным технологиям подвергается только Иран (и ряд других стран), но не Израиль¹¹³.

ЦРУ полагало, что Иран закупал нелегально ядерные материалы и в девяностые годы, в

Научные Записки ПИР-Центра №8

том числе и из российских источников¹¹⁴. Проверки МАГАТЭ, проведенные в Иране в последние годы, не выявили наличия нелегальных ядерных материалов. Конечно, можно заявлять, что они были утасованы. Но в таком случае решение вопроса будет полностью заблокировано. Достижение стопроцентной уверенности не возможно в краткосрочный период без ущемления суверенитета и достоинства страны. Необходим долгосрочный мониторинг ядерной деятельности по новым правилам МАГАТЭ. Во время этого мониторинга нет оснований в отказе стране в доступе к ядерным технологиям.

Иран обвиняли в приобретении собственно ядерных взрывных устройств. В 1992 году прошли сообщения, что Иран, якобы, купил в Казахстане ядерные тактические боеголовки. Называлась даже сумма, уплаченная за них: 130-159 млн долларов за заряд¹¹⁵. При этом неидентифицировались ни продавец в Казахстане, ни тип приобретенного тактического ядерного боезаряда. Шесть лет спустя эта история выглядит, как тщательно спланированная информационно-пропагандистская акция¹¹⁶.

ЦРУ использовало подобные данные для доказательства того, что Иран активизировал свои усилия по приобретению ЯО, и с целью сокращения времени на выполнение данной задачи взял курс не на создание, а на приобретение ЯО¹¹⁷. Среди основных партнеров Ирана называли КНР¹¹⁸. На этом фоне появились сообщения о том, что Иран создаст собственное ЯО за пять-десять лет¹¹⁹, хотя большинство специалистов было убеждено, что ядерная программа Ирана находится в начальной фазе своего развития (и даже примитивна)¹²⁰.

Действия США по блокированию доступа Ирана к ядерным технологиям в международно-правовом плане не затрудняют, а наоборот, облегчают задачу по обходу положений ДНЯО в части нераспространения ЯО. Иран может заявить, что, поскольку положения договора нарушались в отношении него, то и он не считал себя связанным своими обязательствами по договору. Конечно, юридические тонкости в данном вопросе не столь важны, поскольку в настоящее время в международных отношениях основой для разрешения большинства спорных ситуаций, особенно с участием крупных стран, остается *право сильного*. Однако Иран как суверенное

государство, полноправный и формально добросовестный участник ДНЯО имеет полное право на доступ к ядерным технологиям промышленно-развитых стран.

Единственным основанием для отказа в таком доступе является деятельность страны по созданию ЯО. Но таких данных нет. Более того, Иран зарекомендовал себя как страна, выступающая за дополнительные ограничения в области ядерных вооружений. Так, например, иранские официальные лица неоднократно высказывались за превращение БВ в ЗСЯО¹²¹. Кроме этого, Иран совместно с другими государствами неоднократно выступал за заключение ДВЗЯИ¹²².

Военная ядерная программа Ирана

Иран обвиняют в наличии *агрессивной* ядерной военной программы¹²³. О военной ядерной программе помышлял еще шах Реза Пехлеви. В середине семидесятых годов в стране была создана специальная группа, занимавшаяся проектированием ядерного взрывного устройства¹²⁴. В середине 1974 года шах заявил, что Иран будет обладать ЯО, «без сомнения и быстрее, чем некоторые думают»¹²⁵. Позже шах *отказался* от своего заявления¹²⁶.

Сразу после революции ядерная военная программа была полностью приостановлена. В ходе войны с Ираком, а так же в условиях обладания (предполагаемого) ЯО Израиля Иран пошел, как считает ряд специалистов, на возобновление военной ядерной программы. Таким образом, активизация гражданской и возобновление военной программ практически совпадают по времени¹²⁷. Из американских разведывательных источников иногда происходят противоречивые *утечки* о сроках возобновления (предполагаемого) ядерной программы Ирана: было сообщение, что это произошло только в начале девяностых годов¹²⁸, по другим сведениям, военная ядерная программа Ирана была возобновлена в 1987 году по личному распоряжению Хомейни¹²⁹.

Появлялись сведения о предполагаемых расходах иранского правительства на военную ядерную программу. Их источником была оппозиционная группа, базирующаяся в Ираке. По их данным, в 1990 году на эти цели было выделено 200 млн долларов, а в 1991 году 500 млн долларов¹³⁰. Подтверждениями этих данных из других источников и

Научные Записки ПИР-Центра №8

оценками за последующие годы мы не располагаем.

Само понятие *военной ядерной программы* можно рассматривать в двух аспектах. *Во-первых*, как наличие в принципе желания приобрести ЯО, что практически не верифицируемо и в международно-правовом плане не является основанием для отказа в доступе к ядерным технологиям. *Во-вторых*, как наличие разработанной программы по созданию ЯО и ее претворение в жизнь, что поддается проверке, так как предполагает проведение конкретных мероприятий.

Для создания ядерного взрывного устройства необходимо наличие следующих компонентов:

- ядерные материалы, пригодные для военных целей. К таковым относятся ВОУ или выделенный из отходов топлива АЭС плутоний;
- высокотехнологичное взрывное устройство: чем совершеннее неядерная часть взрывного устройства тем меньшее количество ядерного материала необходимо¹³¹.

Ядерные материалы, пригодные для создания ядерного взрывного устройства ВОУ. В Иране находятся 900 граммов ВОУ в Исфаханском ядерном центре¹³². Этого количества абсолютно недостаточно для создания ядерного взрывного устройства. Необходимо, как минимум, три килограмма на один боевой заряд¹³³.

Были данные, что в середине семидесятых годов Дания поставила в Иран 10 кг ВОУ и 25 кг природного урана¹³⁴. Также были сообщения, что в середине восьмидесятых годов Иран закупал уран в Намибии, на заводе, принадлежавшем одной из британских компаний¹³⁵. Были *утечки* из ЦРУ, что ВОУ поставлялся в Иран Пакистаном в середине восьмидесятых годов¹³⁶. Однако точных сведений по этим случаям нет.

Неоднократно появлялись данные о том, что Иран занимается обогащением урана. В частности, Иран подозревали в проведении подобной деятельности на двух объектах: в Технологическом университете Шариф, на урановом месторождении Сагана. На обоих объектах в девяностые годы были инспекторы МАГАТЭ и подозрительной

деятельности не зафиксировали. Но ряд специалистов утверждает, что «на существующем этапе разработки Ираном ядерного оружия ему еще рано иметь такие мощности»¹³⁷.

Вблизи урановых месторождений не обнаружено объектов для обогащения урана¹³⁸. Действующие центрифуги находятся в Тегеране, что предполагает необходимость транспортировки, в случае, если Иран действительно затеял бы центрифужное обогащение урана. При этом страна не обладает развитой ядерной инфраструктурой¹³⁹. Большинство специалистов сходятся на том, что Иран не обладает возможностями центрифужного обогащения урана¹⁴⁰. Для химического обогащения также нет необходимых технологий и мощностей¹⁴¹. Лазерный метод обогащения, даже по мнению отнюдь не *проиранских* экспертов, не доступен стране¹⁴².

По иранским данным, в стране нет необходимого количества урана для обогащения. В качестве источника первичного материала на Западе рассматривают урановое месторождение Сагана. По иранским данным, не опровергнутым на Западе, это месторождение не дает необходимого количества руды¹⁴³.

По всей видимости, в настоящее время в Иране нет запасов ВОУ, достаточных для создания ядерного взрывного устройства. Перспективы его легального приобретения вовне исключены. Внутри страны нет необходимых технологий и исходных материалов в достаточном количестве.

Остается вариант нелегального приобретения ВОУ либо урановой руды и технологий по ее обогащению. Полностью исключить подобные попытки нельзя. Причем если речь идет о нелегальных путях, то усиление изоляции может их и не предотвратить¹⁴⁴. Единственный реальный вариант – это транспарентность ядерной программы Ирана, которая возможна только при обеспечении стране полноценного доступа к ядерным технологиям, с одновременным полным использованием возможностей МАГАТЭ по мониторингу ядерной деятельности.

Плутоний. Плутоний для военных целей выделяется из ОЯТ¹⁴⁵. Для этого необходимы значительные объемы ОЯТ, получение которых возможно только на промышленных АЭС¹⁴⁶, а их в Иране нет. Данных о

Научные Записки ПИР-Центра №8

нелегальном приобретении плутония Ираном тоже нет. Теоретически это возможно, поскольку запасы плутония, достаточные для военных целей, еще в восьмидесятые годы были в целом ряде стран (Аргентина, Бразилия, Индия, Израиль, Пакистан, Республика Корея, Тайвань, Югославия)¹⁴⁷.

Обоснованы опасения, что отходы с АЭС, которые будут построены в Иране, могут использоваться для выделения плутония в военных целях. Хотя Иран не обладает возможностями по выделению плутония из ОЯТ, считается, что он может, исходя из развития его химической промышленности, овладеть частью этой технологии, то есть собственно способностью провести химические реакции по отделению плутония, но не сможет превратить его в стабильный металл, придать необходимую форму, то есть сделать его пригодным для военных целей¹⁴⁸. Одновременно, если не будет АЭС, путь создания плутониевой бомбы за счет собственных ядерных материалов можно исключить.

Наличие АЭС еще не предполагает обязательного наличия ядерных материалов, пригодных для военных целей. Плутоний необходимо выделять из отработанного топлива АЭС. Нелегальные каналы можно эффективно перекрыть только при транспарентности ядерной программы, что достижимо, как уже говорилось, при обеспечении доступа к ядерным технологиям. То есть появляется альтернатива: либо делать упор на исключение вероятности контрабандного получения плутония, либо на контроль за отработанным топливом АЭС. Таким образом, представляется возможным обеспечить контроль за отработанным топливом АЭС для исключения вероятности выделения плутония.

Неядерные компоненты ядерного взрывного устройства

Создание достаточно надежной для использования в военных целях неядерной части ядерного взрывного устройства требует наличия современного оборудования и развитой промышленности, как тяжелой, так и электронной. В настоящее время Иран предпринимает значительные усилия по преодолению своего отставания в этих сферах, особенно в части электроники¹⁴⁹. В перспективе можно ожидать, что у Ирана не будет препятствий для создания неядерной части ядерного взрывного устройства.

Проблема в том, что практически любое современное промышленное и электронное оборудование может в принципе быть использовано для создания неядерной части ядерного взрывного устройства¹⁵⁰. То есть, если пойти по пути исключения возможности создания страной неядерной части ядерного взрывного устройства, а значит и самого такого устройства, то необходимо обеспечить полную технологическую изоляцию страны. А это практически невозможно. В конце концов необходимые ноу-хау будут приобретены через *промышленный шпионаж*.

Более целесообразным представляется борьба с распространением ЯО через контроль за ядерными материалами, а не неядерными технологиями.

Итак, в настоящее время в Иране нет ЯО и нет основных элементов для его создания. Это было подтверждено и в ходе инспекций МАГАТЭ¹⁵¹. Тем не менее, разговоры о ядерной военной программе Ирана не утихают. В основном Иран обвиняют в наличии планов по созданию ЯО, что практически неverified. Наиболее часто подобные заявления звучат со стороны американских специалистов. Иранские официальные лица постоянно такие заявления опровергают, настаивая на том, что иранская ядерная программа носит исключительно мирный характер¹⁵². Однако известно несколько случаев, когда намерения создать ЯО фиксировалось в речах официальных иранских лиц, что давало дополнительный повод для обвинений в проведении секретных военных программ. Так, в октябре 1988 года Хашеми Рафсанджани, в то время спикер меджлиса, заявил, что Ирану необходимо ЯО¹⁵³. В конце 1991 года вице-президент Ирана Атоллах Моходжерани сказал, что «поскольку у наших врагов есть ядерные возможности, то таковыми должны обладать и мусульманские государства»¹⁵⁴.

Еще одним основанием для обвинений Ирана является то, что работы в передовых сферах науки и техники в Иране проводятся под контролем либо армии, либо Корпуса стражей исламской революции. Кроме этого, есть сведения, что часть работ в ядерной сфере также проходит под контролем этих военных ведомств. Время от времени появляется информация о том, что ОАЭИ не полностью контролирует ядерную программу Ирана, и наиболее секретные разработки проходят исключительно под

Научные Записки ПИР-Центра №8

покровительством военных. Достоверность этих сведений не безусловна, и интерпретировать их можно по-разному. Например, отечественным специалистам хорошо знакома ситуация, когда лучшие специалисты сосредоточены в сфере *обороны*. Для Ирана развитие собственной ядерной энергетики является приоритетным вопросом стратегического характера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что к нему могут иметь какое-то отношение наиболее сильные в организационном и ресурсном отношении военные структуры.

Таким образом, когда говорят о военной ядерной программе Ирана, то, как правило, имеют в виду не конкретную систему мер по приобретению ЯО, а принципиальное желание иранского руководства по его приобретению.

Предотвращение доступа Ирана к ядерным технологиям

В таких условиях могут быть две модели поведения. *Первая* – блокирование доступа Ирана к ядерным технологиям. *Вторая* – предоставление этого доступа, поскольку формального нарушения ДНЯО нет.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что вопрос о наличии военной ядерной программы, в том смысле, как о ней обычно говорят, объективно не верифицируем. Кроме этого хотелось бы повторить, что Россия не заинтересована в приобретении Ираном ОМУ, и особенно ЯО.

В условиях неопределенности в вопросе, имеющем важное значение для безопасности страны, очевидно, целесообразно исходить из худшего варианта, то есть из предположения о том, что в принципе у Иранского руководство есть желание приобрести ЯО.

Первый вариант (блокирование доступа Ирана к ядерным технологиям). Эффективная внешняя изоляция может привести к исключению возможности легальных поставок в страну. Однако остается

перспектива контрабанды, которую не всегда будет легко засечь при секретном характере работ, что естественно при международной изоляции. Мониторинг национальными техническими средствами может быть недостаточен¹⁵⁵. Но и выборочные инспекции по мере развития программы станут все менее и менее эффективны. Инспекционные проверки максимально эффективны тогда, когда они начинаются на ранних стадиях программы, проводятся регулярно и масштабно. При осуществлении секретной программы это условие соблюсти не удастся. В конце концов, запрещенная деятельность может быть засечена, но на завершающих стадиях реальной военной программы, например, уже в фазе полевых испытаний.

Второй вариант (предоставление доступа к мирным ядерным технологиям). Открытие доступа к ядерным технологиям на фазе, когда ядерная программа находится в начальной стадии, а именно так обстоит дело с Ираном, дает возможность свести к минимуму параллельную *теневую* программу с военными целями. Максимальным образом может быть тогда реализовано условие транспарентности и постоянного контроля МАГАТЭ. В этом случае страна-реципиент получает не только потенциально опасные технологии, но и систему контроля за их использованием. Постоянное наличие контроля затрудняет проведение несанкционированной работы.

Основные усилия по обеспечению режима нераспространения должны направляться не на контроль за всеми сферами, которые имеют отношение к созданию ЯО, а лишь за наиболее принципиальными – отслеживание ядерных материалов.

Наличие АЭС еще не означает наличия сырья для создания ядерного взрывного устройства, поскольку плутоний необходимо выделить. Основные усилия необходимо направить на учет ОЯТ и предотвращение его переработки для выделения плутония.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Глава III. СРЕДСТВА ДОСТАВКИ, РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Согласно докладу директора ЦРУ от июня 1997 года, Иран остается одним из наиболее активных государств, стремящихся к обладанию всеми типами ОМУ и новейших систем обычных вооружений¹⁵⁶. Во второй половине 1996 года его усилия, согласно докладу, фокусировались на приобретении производственной технологии, которая позволила бы Ирану создать потенциал, необходимый для самостоятельного производства всех видов ОМУ.

Иранские власти в принципе не опровергают сообщения о своей заинтересованности в приобретении собственной базы для производства ракет (в том числе и среднего радиуса действия), однако категорически отрицают помощь со стороны иностранных государств, в частности, Северной Кореи¹⁵⁷.

В настоящее время Иран проводит масштабную программу модернизации промышленности, которая включает в себя в том числе и приобретение современного оборудования и технологий. Большая часть технологий, приобретаемых Ираном или интересующих его, относится к категории технологий двойного назначения.

В 1984-1985 годах Иран начал прилагать значительные усилия для развития ракетной программы, при этом приоритетным стало производство ракет класса *земля-земля*. Первоначально целью Ирана являлось достижение достаточного ракетного потенциала для противодействия соседнему Ираку¹⁵⁸, поскольку некоторое время Ирак имел преимущество в авиационных средствах. Последнее усугублялось недостаточным развитием систем ПВО в Иране.

Тегеран, вероятно, продолжает развивать свои возможности по нанесению ракетных ударов по Израилу и целям на территории Саудовской Аравии. По заявлениям иранских руководителей, Иран стремится к тому, чтобы в зоне поражения его ракетных сил оказался Персидский залив¹⁵⁹. При этом сами пусковые установки с целью снижения их уязвимости должны располагаться за горой Загрос, в западном Иране¹⁶⁰. Для выполнения этих задач был принят подход *двойного пути* и ведутся работы над программой создания

ракет класса *земля-земля* на жидком и твердом топливе.

Твердотопливные ракеты в настоящий момент ограничиваются простыми неуправляемыми тактическими системами. Например, *Охаб* с объявленной дальностью 45 км или *Назеам-10* с заявленной дальностью 150 км. Предполагается, что Иран ведет работы по совершенствованию своих отечественных разработок с целью создания для них надежных систем управления, а также осуществлению долгосрочных планов по разработке твердотопливных баллистических ракет с дальностью свыше 1500 км и 1000 км¹⁶¹.

Жидкостные ракеты. В 1989 и 1991 годах Иран заключил ряд сделок с Северной Кореей в отношении технологии производства ракет *Scud-B* (300 км) и *Scud-C* (500 км). На ранних стадиях выполнения этих сделок Иран, вероятно, будет учиться собирать ракеты *Scud* из обычных полуразборных комплектов. По некоторым данным, иранская делегация посетила Северную Корею весной 1993 года для заключения контракта на 145 ракет *Нодон* (дальность свыше 1000 км). Полагают, что в эту сделку была включена технология их производства, за которую Иран заплатил около 500 млн долларов¹⁶². В конце 1993 года контракт, по непроверенной информации, был приостановлен или расторгнут. Есть данные, что это было сделано с подачи Израиля, который попадает в пределы досягаемости данной ракеты¹⁶³. В 1995 году Иран начал разработку новой ракеты с дальностью 2000 км¹⁶⁴. С целью продолжения работ по программе жидкостных ракет большой дальности Иран, видимо, изыскивает возможность получения помощи из самых разных стран.

24 июля 1998 года Иран провел испытание ракеты *Шахаб-3* дальностью 1200 км. По всей видимости, создание этой ракеты стало результатом сотрудничества с КНДР. Конструкционные особенности ракеты позволяют с высокой степенью вероятности предполагать, что *Шахаб-3* по сути является модификацией *Нодон*. Причем отсутствие видимых усовершенствований, например, в плане увеличения дальности ракеты, наводит на мысль о том, что, возможно, *Шахаб-3* — это *иранский Нодон*. Использование другого названия связано с тем, что Иран приобрел сделанную по его заказу технологию производства ракет средней дальности. То есть, скорее всего ракетный контракт 1993

Научные Записки ПИР-Центра №8

года между Ираном и КНДР был секретно осуществлен.

Крылатые ракеты. Технологией производства КР владеет очень небольшое количество стран. Их производство связано со значительными техническими трудностями, которые пока являются непреодолимыми для стран ТМ¹⁶⁵, поэтому Иран значительные усилия направил на приобретение КР за рубежом, например, в Китае. Иран планировал закупить в Китае противокорабельных КР С-802 и С-801. Частично эти закупки были осуществлены, по крайней мере КР С-801. Со ссылкой на американского министра обороны Коэна сообщалось, что в Иране были проведены два испытательных пуска С-801 3 и 6 июня 1997 года¹⁶⁶. Под нажимом США Китай был вынужден отказаться от продолжения дальнейших поставок КР в Иран.

Организационная структура ракетной промышленности

Организационная структура иранской ракетной промышленности до конца не раскрыта. Конечная ответственность возложена на организацию оборонной промышленности *Сасаджа*. В составе этой организации есть департамент 140 (промышленная группа *Санам*), который является главным административным органом, ответственным за руководство деятельностью научно-исследовательских центров и производственных объектов. К некоторым из подчиненных этому департаменту органов относятся: департамент 140/14 (промышленная группа *Шахид Багхери* – разработка программы твердотопливных ракет), департамент 140/15 (промышленная группа *Шахид Багхери* – разработка программы жидкостных ракет), департамент 140/16 (планирование производства контрольно-измерительного оборудования – создание систем управления и наведения), департамент 140/31 (ракетно-промышленная группа *Парчин*).

В 1989 году за программу баллистических ракет отвечало ракетное подразделение *Вахид-Э-Машахех* корпуса стражей исламской революции¹⁶⁷. Предполагается, что ракетные проекты есть в обоих военных ведомствах Ирана, и частично их разработки пересекаются¹⁶⁸.

Объекты ракетной промышленности

О местонахождении объектов ракетной промышленности известно мало¹⁶⁹.

Организации, названные выше, в основном располагаются в Тегеране и вокруг него. Департамент 140/31 и департамент 140/14 связаны с *Парчином*, находящимся в 30 км к юго-западу от Тегерана и являющимся средоточием химической промышленности ДИО (по производству взрывчатых веществ, топлива и т.д.) и, возможно, основным производителем ракет *Охаб* и *Назеат*. Крупный комплекс, сооружаемый недалеко от Исфахана, также предположительно имеет отношение к ракетному производству. Объект *Кух-Э Бардджамали* получил свое имя в связи с ракетным производством, а научно-исследовательский центр *Гостареш*, расположенный на северо-востоке Тегерана (основной центр ДИО), занимается научными изысканиями в области ракетостроения¹⁷⁰.

Сотрудничество Ирана с зарубежными странами по ракетным программам

Иран имеет необходимые металлообрабатывающие станки и производственное оборудование для ракетной программы¹⁷¹, но нет одного важного элемента – технологии систем управления и наведения¹⁷². Иран делает все возможное, чтобы восполнить этот пробел через приобретение технологий двойного назначения¹⁷³.

Иран может самостоятельно производить простые ракетные системы, в том числе и управляемые¹⁷⁴, хотя их точность, в силу проблем с электроникой, оставляет желать лучшего. За счет модернизации двигателя удалось нарастить дальность иранских ракет. Так, в октябре 1997 года г-н Рафсанджани заявил, что Иран обладает способностью производить ракеты с дальностью 250 километров¹⁷⁵.

Недостаточность внутренних ресурсов обуславливает то, что одним из приоритетных направлений ракетной программы Ирана является получение необходимых ноу-хау и материально-технической базы из-за рубежа. Предполагается, что Иран практиковал заказ НИОКР за рубежом с последующей передачей результатов исследований и, возможно, конкретных изделий¹⁷⁶.

Поставки для ракетных программ Ирана осуществляются в первую очередь из Северной Кореи и Китая¹⁷⁷. Технология для разработки и производства северокорейской ракеты *Scud-C* была испытана в Иране в 1991 году. Благодаря сделкам по ракетам *Scud* с

Научные Записки ПИР-Центра №8

Северной Кореей Иран, как предполагается, создал базовую производственную инфраструктуру для жидкостных баллистических ракет¹⁷⁸.

Можно предположить, что попытки Тегерана делать закупки на Западе не имеют централизованного управления. Большой частью полномочия передаются DIO, имеющей контакты с нужными странами. Департамент 140/16 в составе DIO имеет деловые связи по всему миру и известен как *приборостроительный завод*¹⁷⁹.

Помимо департамента 140, в закупочную деятельность вовлечены ряд других департаментов DIO: учебно-исследовательский институт (ERI), департамент 148/3, секторы промышленной группы механических систем MIG, департамент 142 и 158, специальные промышленные группы министерства обороны (MIDSPCIG), департамент 154 и университет научных и оборонных технологий (USDT, департамент 149/d), некоторые организации, не входящие в состав DIO – иранская исследовательская организация по науке и технологии (IROST), Ширазский и Мазандаранский университеты¹⁸⁰.

Поставщикам, получающим заказы из офиса в Тегеране, предлагается доставить грузы на место в 50 км к востоку от Тегерана, вблизи оружейного завода *Парчин*, где ведется строительство завода по производству систем наведения и управления. Предприятие расположено к северу от азиатского шоссе, вблизи населенного пункта Шаргфабад¹⁸¹. Иран использует все возможные методы доставки материалов на свои предприятия – наземный транспорт, авиацию и морские суда. Стоимость является решающим фактором при выборе вида транспорта, хотя принимается во внимание и риск перехвата.

Для обхода требований ЭК используются следующие способы¹⁸²:

- ложное или вводящее в заблуждение описание продукции в официальных документах;
- ложное заявление о конечном пользователе (например, указывается, что товары будут применяться для гражданского производства);
- *фальшивые* конечные пользователи (*фирмы-прикрытия* или приемлемый

покупатель, такой как университет или предприятие гражданской промышленности);

- услуги посредников (в Иране или за рубежом);
- перенаправление груза через третьи страны.

США продемонстрировали свою способность оказывать эффективное воздействие на основных партнеров Ирана в ракетных программах – Китай, Северную Корею. В этой связи становится все более актуальной автономизация ракетной программы Ирана. Но это комплексная и долгосрочная проблема. На начальных стадиях ее выполнения, наоборот, оправданны попытки расширить круг внешних источников поступления технологий и конечных продуктов. По этой причине, по нашим оценкам, и активизировалась работа иранских *эmissаров* в России и странах СНГ в девяностые годы.

Иран, видимо, пытается достичь полной независимости в производстве *Scud-B* и *Scud-C*. После приостановки сделки по *Нодон* Тегеран, вероятно, рассчитывал на помощь в разработке жидкостных систем большой дальности со стороны государств бывшего СССР. Китай продолжает оказывать Ирану помощь по ряду направлений. Прежде всего в области систем наведения и управления. Программы Ирана по созданию твердотопливных ракет большой дальности также зависят от помощи Китая.

Тегеран продолжает делать попытки приобрести широкий спектр технологического оборудования и промышленных товаров во всем мире. В течение нескольких лет промышленные группы *Shahid Hemat* и *Samak* проявляли активность в приобретении материалов и производственного оборудования. Сейчас эти организации проводят дополнительные закупки для новых программ¹⁸³.

Российско-иранское сотрудничество в ракетной сфере и давление Запада

На Западе, прежде всего в США и Израиле, Россию обвиняют в ракетных поставках Ирану¹⁸⁴, или по крайней мере, в поддержке иранской ракетной программы¹⁸⁵. Есть сведения, что отдельные российские предприятия к такому сотрудничеству, действительно, причастны. Но данных о государственных или санкционированных

Научные Записки ПИР-Центра №8

государственными структурами РФ поставках в Иран технологий или техники в нарушение режима РКРТ нет. Более того, есть свидетельства, что российские власти серьезно работают над предотвращением несанкционированных поставок в Иран ракетной техники, отдельных узлов и механизмов.

- **Начало 1997 года.** Попытка изготовить комплекты узлов и деталей для жидкостного ракетного двигателя под видом оборудования для газоперекачивающих станций на научно-техническом комплексе им. Кузнецова, город Самара (бывшее НПО *Труд*). Попытка пресечена ФСБ на стадии подготовки технической документации, когда основой контракт уже был подписан¹⁸⁶.
- **Июнь 1997 года.** Попытка получить от российского гражданина закрытые материалы по авиационной технике. Пресечена ФСБ¹⁸⁷. Точных данных о предприятии-владельце этих материалов представлено не было. Но, скорее всего, это ЦАГИ¹⁸⁸.
- **14 ноября 1997 года.** Попытка получить конструкторскую документацию по ракетной технике от одного из московских предприятий. При передаче информации арестован *технический представитель* иранского посольства в Москве Реза Теймури¹⁸⁹.
- **Конец марта 1998 года.** Азербайджанские таможенники задержали партию легированной стали, направлявшейся из России в Иран. Согласно американским источникам, эта сталь была предназначена для изготовления топливных баков ракет *Scud*¹⁹⁰.

Отдельного упоминания заслуживают данные о контактах ЦАГИ и *Санам*, которые впервые были установлены в 1994 году. В 1996 году *Санам* запрашивала ЦАГИ о возможности его участия в организации и проведении работ в ЦАГИ по определению аэродинамических характеристик модели исследования геофизики ракеты для зондирования атмосферы. 16 апреля 1996 года ЦАГИ посоветовал *Санам* обратиться в *Росвооружение*, так как не имел полномочий вести официальные переговоры¹⁹¹. Позднее

фирма *Санам* обратилась в ЦАГИ с просьбой оказания научно-технической помощи для создания в Иране научного центра по аэродинамическим исследованиям. В мае 1996 года ЦАГИ провел предварительные технические переговоры без обязательств¹⁹².

Один из *всплесков* критики в адрес РФ пришелся на канун 9-й сессии комиссии Гора-Черномырдина, прошедшей в октябре 1997 года. В сентябре госсекретарь США Мадлен Олбрайт передала российской стороне документ, в котором Россию обвиняют в поставке Ирану двигателей для ракет SS-4 (P-12 по российской классификации). В феврале 1997 года в газете *Los Angeles Times* появилось сообщение со ссылками на американские разведывательные источники о том, что Россия собирается поставить в Иран технологию производства баллистических ракет SS-4¹⁹³. Позже последовали уточнения, что Россия собиралась оказать Ирану содействие в модернизации этого типа ракет, состоящих на вооружении иранской армии¹⁹⁴.

Перед встречей Гора и Черномырдина российской стороне были предоставлены детальные сведения: какая помощь осуществляется каждым конкретным институтом и сколько российских специалистов в области ракетной техники находится в Иране. В рамках комиссии Гора-Черномырдина экспертная группа должна была представить на комиссию совместный доклад (вопрос обсуждался вне рамок встреч девяти групп, работавших на комиссии), однако формального доклада составлено не было¹⁹⁵. На мартовской встрече 1998 года комиссия вновь вернулась к российско-иранскому сотрудничеству (об этом уже шла речь в разделе, посвященном российско-иранскому сотрудничеству в области мирного атома). Россия пошла на уступки, согласившись на создание совместной экспертной группы по контролю над экспортом технологий. В России это расценили как создание группы для наблюдения за российско-иранским сотрудничеством¹⁹⁶.

Хотя обвинения, что России якобы на государственном уровне взяла курс на ракетное перевооружение Ирана, имеют место, тем не менее в последнее время на Западе все чаще начинают использовать *дифференцированный* подход. Он состоит в том, что российские предприятия ВПК осуществляют несанкционированные

Научные Записки ПИР-Центра №8

поставки ракетной техники в Иран в обход официальных структур РФ и в нарушение режима РКРТ. Администрация Клинтона еще в 1997 году рассматривала возможность введения санкций против нескольких российских компаний и НИИ без их распространения на российское правительство, «поскольку оно не всегда может контролировать такие процессы»¹⁹⁷.

В апреле 1998 года в госдепартаменте США был составлен *черный список* компаний и организаций, которые подозревались в поставках Ирану ракетных технологий¹⁹⁸. Список, насколько известно из неофициальных источников, включал в себя около 20 российских компаний и организаций¹⁹⁹. Неофициально представители Соединенных Штатов комментировали его следующим образом: «Клинтон не хочет санкций. Идет дипломатическая игра, при которой администрация оглядывается не столько на Россию, сколько на конгресс. Законодателям дают понять: все в порядке, мы держим ухо востро, но не нужно торопиться и оформлять антироссийские санкции в виде законов»²⁰⁰.

В конце мая 1998 года американский конгресс принял закон о санкциях в отношении фирм, подозреваемых в

сотрудничестве с Ираном в ракетной сфере. Очевидно, что он был направлен прежде всего против российских компаний, пытающихся на внешнем рынке реализовать свои наработки по высоким технологиям. Именно такое видение мотивов поведения США наиболее популярно среди отечественных разработчиков высоких технологий. Необходимо признать, что определенные основания для этого есть, так как иногда критике и даже санкциям со стороны США подвергаются отечественные предприятия, владельцы современных технологий, не занимающиеся экспортом военной продукции или даже продукции двойного назначения²⁰¹.

Президент США отклонил законопроект о санкциях. Расклад сил и настроения в конгрессе давали повод ожидать преодоления вето президента. Но он, не дожидаясь этого, в конце июля 1998 года сам принял решение о введении санкций в отношении семи российских компаний: НПЦ ИНОР, НИИ *Графит*, Балтийский государственный технический университет, компания МОСО, предприятие *Европалас-2000*, *Главкосмос*, НИИ *Полюс*. За полмесяца до этого решения администрация США обнародовала список девяти компаний, в отношении которых могли быть наложены санкции.

Таблица 1. Организации, в отношении которых введены санкции

Организация	Сведения
Главкосмос	<i>Адрес</i> – Москва. <i>Комментарий</i> – Вся тяжесть санкций направлена против этой организации – коммерческого посредника РКА в международных проектах. Практически никакой покупатель, которому потребуется вывести свой спутник на орбиту, не сможет этого сделать, если Соединенные Штаты наложат эмбарго на ввоз высокотехнологичных компонентов спутников в Россию – все современные коммерческие спутники так или иначе включают узлы «Made in USA».
Военно-механический институт (Балтийский государственный технический университет им. Д.Ф. Устинова)	<i>Адрес</i> – Санкт-Петербург. <i>Обвиняется</i> – в подготовке иранских студентов, как утверждается, без предоставления доступа к секретным сведениям (что вполне понятно). Однако по настояниям ФСБ РФ обучение было прекращено ²⁰² .
Научно-производственный центр ИНОР	<i>Адрес</i> – Москва. <i>Разрабатывает</i> – спецсплавы для космических аппаратов. <i>Производственная база</i> – возможно использование собственного металлургического оборудования. <i>Заказчики</i> – ЦСКБ (Самара), НПО им. Лавочкина и др. <i>Дополнительная информация</i> – расположен на арендуемых площадях ²⁰³ . <i>Подозревается</i> – в продаже 620 кг спецсплавов: заготовки из высокопрочной стали, три типа фольги толщиной 0,2 и 0,4 мм ²⁰⁴ . НПЦ ИНОР, по данным <i>Washington Times</i> , является <i>организатором поставок</i> в адрес <i>Shahid Hemmat Industrial Group</i> (SHIG) вышеупомянутых спецсплавов собственного производства, лазерного оборудования из НИИ <i>Полюс</i> , зеркал и вольфрам-графитового материала разработки НИИ <i>Графит</i> ²⁰⁵ . Как предполагает Bill Gertz, НПЦ ИНОР занимается поставками в Иран с 1996 года ²⁰⁶ . Данных, относящихся к 1998 году, не обнаружено. Однако есть <i>существенные расхождения</i> в датах: различные источники называют в качестве даты заключения контракта 1996 год или сентябрь 1997 года. В 1994 году президент России <i>пообещал</i> президенту США <i>не поставлять</i> в Иран обычные вооружения. Но уже в феврале-марте 1997 года в Москве состоялись переговоры между представителями российских экспортирующих организаций и иранского министерства обороны относительно возможной продажи ЗРК С-300В и ПЗРК <i>Игла</i> . Это могло послужить иницирующим фактором для публикаций в израильской и американской прессе.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Компания <i>Европалас-2000</i>	Достоверно известно, что эта компания в Москве не зарегистрирована. Однако Bureau of Export Administration министерства торговли США, отвечающее за экспортный контроль, указало в своем <i>черном списке</i> именно Москву как местонахождение этой фирмы ²⁰⁷ .
Компания МОСО	Единственная компания с таким названием в Москве (по состоянию на 1997 год, в 1998 году такой фирмы в Москве уже не обнаружено). <i>Название</i> – ИЧП Мхитаряна Д.Г. МОСО. <i>Юридический адрес</i> – Москва, 103055, ул. Новолесная, д. 18, корп. 1. <i>Фактический адрес</i> – Москва, ул. Бутлерова, д. 2, корп. 1, кв. 116. <i>Количество рабочих мест</i> – 3. <i>Вид деятельности</i> – торгово-закупочная. <i>Расчетный счет</i> – 103644674 в АБ <i>Глория банк</i> . <i>Основана</i> – 10 августа 1994 года ²⁰⁸ . <i>Обвиняется</i> – в транспортировке стали от ИНОР в Иран через Республику Кипр ²⁰⁹ .
НИИ <i>Графит</i>	<i>Полное наименование</i> – Государственный НИИ конструкционных материалов на основе графита. <i>Адрес</i> – Москва. <i>Разрабатывает</i> – композитные материалы на основе графита для тормозных систем самолетов ВВС РФ; тормозов, покрытия носового отсека и ведущих кромок крыльев космического корабля <i>Буран</i> ; лазерных зеркал; неподвижных частей газотурбинных двигателей; графитовые электроды для цветной металлургии (электролизное производство). <i>Материалы</i> – углеволокно, графитовое волокно, графит-графитовые композиты, композиты с керамической, металлической или полимерной основой. <i>Производственные мощности</i> – расположен вместе с Московским электродным заводом. <i>Ключевая технология</i> – химическое осаждение из паров. <i>Международные проекты</i> – с Южной Кореей и США ²¹⁰ . <i>Обвиняется</i> – в поставке в Иран через Австрию графитовых композитных материалов (см. данные по МОСО и НПЦ ИНОР) ²¹¹ .
НИИ <i>Полус</i>	<i>Адрес</i> – Москва. <i>Разрабатывает</i> – лазерную технику. <i>Директор</i> – проф. Владимир Курятов. <i>Обвиняется</i> – в поставках лазерных гироскопов в Иран. <i>Комментарий</i> – Производимые гироскопы И-42-1С действительно поставлялись в Иран в 1995-1997 годах. Однако они предназначены для гражданских авиалайнеров, а применение их на баллистических ракетах требует значительных вложений средств и времени (хотя и возможно). Если лазерные гироскопы будут интегрированы в систему наведения ракет, то это будет означать, что страна-производитель в своей военной доктрине делает ставку на нанесение ракетно-ядерного удара первой либо готовится к обмену ракетными ударами без применения ядерного оружия, так как оптические элементы лазерного гироскопа испытывают воздействие ионизирующего излучения, что отрицательно сказывается на их работоспособности ²¹² .

Источник: Алексей Рей. «Иранское дело: предприятия и организации, подозреваемые в поставках ракетных технологий в Иран». Серия *Доклады ПИР-Центра*, №7. М., ПИР-Центр, 15 сентября 1998.

О введении санкций было объявлено практически сразу после визита в Москву Альберта Гора, официально в ответ на иранское испытание ракеты *Шахаб-3*. Однако в истории с введением санкций в отношении российских компаний есть моменты, которые несколькостораживают и заставляют задуматься как над обоснованностью самих санкций, так и официальной версией причины их введения.

Во-первых, список из девяти компаний, в отношении которых США готовы ввести санкции, появился в преддверии визита вице-президента США Гора до испытаний *Шахаб-3*. Все эти компании были определены на основе данных комиссии по ЭК, возглавлявшейся Яковом Уринсоном²¹³. Причем в тот день, когда в Москве работала эта комиссия, в том числе и с участием представителя ФСБ директор ФСБ Николай Ковалев, находился в Израиле и активно *оправдывал* российские компании, подозреваемые в сотрудничестве с Ираном²¹⁴.

Во-вторых, сразу после испытания *Шахаб-3* Билл Клинтон сдержанно прореагировал на обвинения в адрес России в связи с этим испытанием²¹⁵.

В-третьих, по мнению большинства специалистов, иранская ракета имеет северокорейские, а отнюдь не российские корни.

Набор этих факторов наводит на мысль о том, что введение санкций было не спонтанным, а планировавшимся решением. Испытание *Шахаб-3* стало лишь поводом, но не причиной. Вопрос был решен до этого, и *торг* шел лишь вокруг вопросов о количестве фирм, которые попадут в этот список и его конкретном наполнении. Отчасти это объясняет и то, что Альберт Гор не стал форсировать проблемы ЭК и сотрудничества российских предприятий с Ираном на встрече с Сергеем Кириенко. После решения президента конгрессмены перестали

Научные Записки ПИР-Центра №8

настаивать на преодолении вето президента, и закон о санкциях потерял актуальность.

Нельзя не обратить внимание на то, что обвинения в адрес российской стороны выдвигаются прежде всего со стороны Израиля и США, в то время как ряд других государств Запада, имеющих высококвалифицированные национальные разведслужбы, либо хранят молчание, либо подтверждают, что Россия на государственном уровне *ни при чем*. По оценкам британских экспертов, сотрудничество с Ираном в области ракетных технологий ведут Северная Корея и Китай, а не Россия.

В целом представляется, что пока нет достаточных оснований для обвинений в адрес России по поводу каких-либо нарушений международно-признанных норм в ее военно-техническом сотрудничестве с Ираном. Наоборот, мы стали свидетелями активных усилий государственных структур России по пресечению попыток утечки технологий из России в Иран. В этом контексте надо рассматривать постановление правительства от 22 января 1998 года №57 «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих

отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки» и «Методологическое руководство по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля», принятое 12 мая 1998 года Федеральной службой России по валютному и экспортному контролю. Настораживает, правда, то, что на многих предприятиях, которые должны в своей внешнеэкономической деятельности руководствоваться этими документами, они были приняты критически. Основным аргументом, используемым критиками этих актов, является предположение, что выполнение установленных норм затруднит их внешнеэкономическую деятельность, которая в настоящее время стала основным источником получения средств. Таким образом, налицо коллизия – попытки государства ужесточить режим экспортного контроля критикуются объектами этого режима, так как само государство не финансирует их должным образом, и они вынуждено делают упор на внешние контракты. По сути, разрешение этой проблемы невозможно только в рамках создания системы ЭК. Это проблема экономической и научной политики внутри России.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Глава IV. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С ИРАНОМ, ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ РОССИИ И ГРАНИЦЫ РОССИЙСКО - ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Иран заинтересован в сотрудничестве с Россией, поскольку обладает ограниченными возможностями выхода в качестве импортера в рассматриваемых областях на западные рынки. Геополитическое положение Ирана и перспективы повышения геостратегической значимости его территории²¹⁶ заставляют руководство иранской республики проводить программы, направленные на снижение зависимости от Запада, что особенно актуально в условиях сложных отношений с США и по мере приближения перспективы *геополитических торгов*, в результате которых может произойти *замирение* с США²¹⁷. Снижение этой зависимости предполагает усиление армии, в основном, в качественном плане за счет приобретения современной военной техники и создание базовых условий для экономического развития, одним из которых является ресурсообеспеченность. Это касается электроэнергии. А значит, появляется заинтересованность в развитии ядерной энергетики. В обеих названных областях естественным партнером Ирана в современных условиях является Россия.

Российская заинтересованность в сотрудничестве с Ираном в названных областях определяется общей заинтересованностью страны в реализации своего потенциала в области высоких технологий на внешних рынках в условиях отсутствия платежеспособного спроса на них внутри страны. Тем более, что Иран является страной, которая в принципе способна оплачивать свои закупки по общемировым схемам (то есть в кредит), но твердой валютой, а не бартером.

При этом, правда, не стоит считать, что внешнее сотрудничество вообще, и в частности с Ираном, принесет золотые горы стране и конкретным предприятиям *оборонки* и Минатома. По масштабам России суммы в несколько миллиардов долларов с растянутыми во временном плане выплатами, не являются определяющими. Здесь не должно быть *экспортной эйфории*. Еще большее значение, чем непосредственная

валютная выручка, имеет поддержание занятости и инфраструктуры²¹⁸. Кроме этого, внешние поступления могут использовать на финансирование наиболее перспективных новых разработок.

Границы сотрудничества России с Ираном в принципе те же, что и для критического экспорта вообще. Они определяются международно-правовыми обязательствами ограничительного характера и интересами национальной безопасности.

Параметр международно-правовых обязательств является универсальным вне зависимости от конкретной страны-импортера (Россия выступает как экспортер). Это в том случае, если против конкретной страны не введены санкции со стороны международного сообщества. В отношении Ирана легитимных международных санкций нет. Ограничения, установленные внутренним законодательством США, являются обязательными только для США, и попытки перенести их действие на субъектов иных правовых систем, суверенные государства, являются грубым нарушением норм международного права. В частности, принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

В отношении Ирана в настоящее время не действуют международно-правовые ограничения исключительного характера, то есть введенные только в отношении данной страны (как, например, в случае с Ираком). Если, конечно, не считать решения, принятого в отношении Ирана в Галифаксе. Но применимость этого *джентльменского соглашения* вызывает сомнения по причине расплывчатости формулировок и возможного их различного толкования. Поэтому можно считать, что в случае с Ираном действуют, только международно-правовые ограничители, вытекающие из универсальных нераспространенческих режимов (ДНЯО, РКРТ).

Что касается критерия интересов национальной безопасности, то это категория переменная в зависимости от конкретной рассматриваемой страны. В случае с Ираном действуют следующие ограничители. Россия не заинтересована в появлении у Ирана ОМУ и средств его доставки, способных поражать территорию РФ. То есть сюда подпадает значительный диапазон ракет средней дальности.

Научные Записки ПИР-Центра №8

Наложение двух видов ограничителей друг на друга дает следующие результаты в осуществлении конкретных проектов применительно к рассматриваемым сферам.

Ядерная энергетика. Опасения по созданию ЯО страной-реципиентом не означают необходимость отказа от сотрудничества в данной сфере, тем более что формальных поводов для таких опасений в случае с Ираном не достаточно. Основное внимание целесообразно уделить предотвращению возможности получения страной-реципиентом оружейных ядерных материалов. То есть главное – отслеживать ядерное топливо. Других препятствий для сотрудничества нам не видится.

Ракетная техника. Режим РКРТ в определенном смысле более строг, чем режим ДНЯО, поскольку он вводит конкретные ограничения по ракетной техники с конкретными ТТХ. Россия должна строго следовать своим обязательствам по этому режиму, что в целом совпадает и с ограничениями по критерию национальной безопасности, о котором уже говорилось.

С точки зрения национальной безопасности, Россия не заинтересована в повышении собственного военно-научного потенциала Ирана. Значит, Россия должна ограничиваться продажей стране конечных продуктов, но не технологий²¹⁹.

Научные Записки ПИР-Центра №8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иран, являясь крупной страной со значительным геополитическим и геоэкономическим потенциалом пока не располагает возможностями по полному его раскрытию. Это объясняется тем, что в государстве процветает восточная бюрократическая модель, которая абсолютно не приспособлена для реальной эффективной работы, зато может достоверно имитировать активность по совершенно различным направлениям. В этом состоит основная трудность при определении реального военно-технического потенциала Ирана и его *продвинутой* по военно-техническим программам, в том числе в области ОМУ, что совершенно необходимо при принятии решения о том, каковы должны быть особенности ограничений на поставки технологий и конечных продуктов в страну.

Иран не ближе подошел к созданию ЯО, чем 20-25 других государств²²⁰. Предотвращение появления ЯО у Ирана – это тем не менее задача, которую не надо игнорировать. Однако при ее реализации не стоит переходить границы разумного²²¹ и не оставлять все *подозрительные* страны, в том числе и Иран, в стороне от достижений прогресса. Тем более, что для этого нет международно-правовых оснований. Сотрудничество в области гражданской энергетики еще не означает помощь в создании ЯО. В попытках предотвращения возможности появления последнего у *пороговых* государств стоит *не распыляться*, стараясь контролировать все, что в принципе имеет отношение к созданию ЯО, а сосредоточиться на ключевых сферах, прежде всего – на проблеме ядерных материалов, пригодных для создания ядерных взрывных устройств.

Можно с высокой долей уверенности говорить лишь о том, что научно-технический (в том числе, и в части наличия специалистов) потенциал данного государства позволяет ему воспринимать импортные (легальные и нелегальные) технологии лишь на научно-техническом, но не научно-практическом уровне. Именно этим, по нашим оценкам, объясняется стремление Ирана к приобретению не технологий, а конечных продуктов. Правда, при этом иранские заинтересованные лица и ведомства стремятся к тому, чтобы приобретать не конечные продукты, а чертежи и планы их производства. Тем самым

они, с одной стороны, экономят ресурсы, а с другой, оправдывают выделяемые из казны деньги на собственные программы, так как такая модель дает возможность представить тиражируемый по полученным чертежам и планам конечный продукт в качестве собственной разработки.

В этой связи представляется справедливым положение, что существующий уровень ВТС России с Ираном (и даже его некоторое расширение в рамках международно-правовых обязательств РФ) не может помочь Ирану совершить технологический скачок, которой выведет его на новый уровень в военно-технической сфере.

Иран представляется перспективным рынком реализации российских технологий в различных сферах. Пока этот рынок имеет ограниченный уровень конкуренции, что определяется позицией США, которую они навязывают своим союзникам, а по возможности и всем остальным. Причем такие возможности по работе в условиях искусственного ограничения конкуренции будут существовать скорее всего не бесконечно. Это определяется, *с одной стороны*, тем, что Иран не удалось изолировать ни экономически (газовые контракты), ни политически (ЕС возобновляет политический диалог с Тегераном). *С другой стороны*, интересы США на юге Евразии, которые определяются стремлением обеспечить зону безопасности вокруг Каспия и пути транспортировки нефти к мировым океанам, приведут к тому, что США пойдут на постепенный пересмотр своих отношений с Ираном. Условно, такая перспектива обозначается как *геополитическое замирение*. При действии этих двух факторов Россия может утратить привилегированное положение практически единственного партнера. Тогда предложения РФ могут оказаться уже не *конкурентоспособными*. Таким образом, существующие возможности надо использовать сейчас, пока они еще есть, учитывая при этом интересы национальной безопасности и международные обязательства.

Опыт международного взаимодействия в сфере ЭК по вопросу о ядерной и ракетной программах Ирана дает серьезную пищу для некоторых обобщений. Одним из наиболее важных выводов следовало бы считать то, что легитимация давления на Иран с использованием фактора потенциальных

Научные Записки ПИР-Центра №8

намерений говорит о восприятии механизмов предотвращения распространения отдельных видов ОМУ в целом ряде стран, и в том числе в США, как недостаточно эффективных.

Ситуация вокруг Ирана также дает повод говорить об уязвимости международной системы ЭК от воздействия факторов политической конъюнктуры и о необходимости ее развития на принципах, которые бы гарантировано обеспечили принцип равного доступа развивающихся государств, находящихся в процессе промышленной модернизации к новым технологиям, в том числе и в *чувствительных областях*.

Хотя вряд ли можно будет говорить о формировании эффективной системы предотвращения распространения ОМУ на принципах политической избирательности. Существенный ущерб концепциям ограничения доступа Ирана к военным технологиям наносит недавно заключенное соглашение между США и Израилем относительно совместных усилий в сфере нераспространения ОМУ, которое фактически легитимизирует ядерный статус Израиля. Такое де-факто закрепление неравенства государств по отношению к технологиям ОМУ проистекает, думается, из американских интерпретаций принципов организации региональной стабильности на Ближнем Востоке.

Этот вывод, в свою очередь, возвращает нас к проблеме факторов, обуславливающих проведение Ираном активной ракетной программы и подозрения относительно характера его деятельности в ядерной области. Как представляется, большинство этих факторов связано с фактором региональной нестабильности и нерешенности целого ряда кардинальных военно-политических проблем. И прежде всего, с неурегулированностью политических и военно-политических отношений между Израилем и рядом относительно сильных в военно-политическом смысле и имеющих существенные геополитические амбиции исламских государств.

Таким образом, главный вывод, который можно сделать из изучения проблем, связанных с деятельностью Ирана в области критических технологий, заключается в том, что фундаментальные проблемы, обуславливающие столь нервное отношение мирового сообщества к

различного рода слухам, экспертным оценкам и подозрениям, могут быть сняты только в более широком геополитическом контексте – через создание действенной системы региональной безопасности и контроля над вооружениями. Все попытки решить возникающие противоречия только на основе механизмов ЭК и некоего соглашения внешних сил об ограничении доступа Ирана к критическим технологиям не могут дать требуемого эффекта. Более того, они – будучи во многом лишены свойства политико-психологической легитимности восприятия – могут стать источниками кризисов в отношениях между Россией и странами *семерки*, прежде всего США.

Говоря о позициях России в контексте отношений с Ираном в сфере критических технологий, следовало бы отметить два принципиальных момента. *Во-первых*, одним из факторов, делающих такое сотрудничество политически (хотя и не формально-юридически) уязвимым, является то, что помимо сотрудничества в сфере критических технологий и, в частности, ядерной энергетики, а также широкой программы ВТС, в российско-иранском экономическом взаимодействии достаточно мало *опорных точек*. В результате создается впечатление, что вся повестка дня российско-иранского сотрудничества ограничивается только сферой *чувствительных* товаров и технологий. *Во-вторых*, отчасти благодаря отсутствию долгосрочной повестки дня в российско-иранских отношениях, но в большей степени в результате продолжающегося системного кризиса в России, существенным дестабилизирующим фактором как в двусторонних отношениях, так и с точки зрения восприятия позиции России на мировом уровне, является низкий уровень геополитической ответственности экспортеров и производителей, ставящих собственные коммерческие интересы выше долгосрочных государственных интересов.

Решение указанных выше двух задач во многом также может снять нарекания запада относительно характера российско-иранского сотрудничества.

Работа подготовлена в рамках проекта ПИР-Центра «Критический экспорт и контроль над ним» при поддержке Института мира США, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Научные Записки ПИР-Центра №8

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

- БВ – Ближний Восток
- БО – биологическое оружие
- БОУ – высокообогащенный уран
- ВТС – военно-техническое сотрудничество
- ДВЗЯИ – Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний
- ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
- ЗРК – зенитный ракетный комплекс
- ЗСЯО – зона, свободная от ядерного оружия
- КР – крылатая ракета
- КРПДНЯО – Конференция по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия
- МО – министерство обороны
- МП – международное право
- НУР – неуправляемые ракеты
- ОАЭИ – Организация по атомной энергии Ирана
- ОВ – обычные вооружения
- ОМУ – оружие массового уничтожения
- ОЯТ – отработанное ядерное топливо
- ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс
- ПРО – противоракетная оборона
- РКА – Российское Космическое Агентство
- РКРТ – режим контроля за ракетными технологиями
- РСМД – ракеты средней и меньшей дальности
- ТМ – *третий мир*
- ТТХ – тактико-технические характеристики
- ХО – химическое оружие
- ЦА – Центральная Азия
- ЭК – экспортный контроль
- ЯО – ядерное оружие

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И КОММЕНТАРИИ

¹ *New York Times*, 5 July 1994, p.A1

² Иран закупал у СССР некоторые виды бронетанковой техники (БТР-50п, БМП), орудия полевой артиллерии, БМ-21 *Град*, ЗСУ-57-2 и СУ-23-4 *Шилка*, переносные зенитные ракетные комплексы типа *Стрела*, зенитные установки ЗУ-23, стрелковое вооружение, военную автомобильную технику (Виталий Наумкин. Торговля оружием и военно-политическая стабильность в ближне-средневосточном регионе. Россия в мировой торговле оружием: стратегия, политика, экономика. Москва, 1996, с.95-96). В результате интенсивного ВТС сейчас российское оружие и военная техника есть в Сухопутных войсках, ВМС и ВВС Ирана.

Продолжалось сотрудничество и после развала СССР. Россия поставила в Иран: две дизельные подлодки *Кило*, десять Су-24, 150 БМП (*Атлас*, №37, 16 сентября 1994). По ранее заключенным соглашениям РФ должна поставить в Иран 150 МИГ-29 с ракетами класса *воздух-воздух*, Су-24 с ракетами класса *воздух-поверхность* (Khalizad Z. The United States and the Persian Gulf:

Preventing Regional Hegemony. *Survival*, Summer 1995, p.99). Так же есть сообщения, что Иран проявляет интерес к закупкам в РФ ударных вертолетов нового поколения и военных быстроходных катеров.

Точных данных о доле иранских закупок в российском конвенциональном экспорте нет, но ясно, что это перспективный и платежеспособный партнер. В 1997 году Россия заключила с Ираном один контракт (с ВПК МАПО) на предоставление лицензии на производство авиационных двигателей TV7-117, сумма контракта – 145 миллионов долларов (Неправительственный регистр обычных вооружений. *Экспорт Обычных Вооружений*, №12, декабрь 1997, с.19).

³ Проблема заключается в том, что технологии в этих сферах в большинстве своем являются двойными и на базе развитой химической и фармацевтической отраслей промышленности вполне возможно создание военных компонентов (Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Technology Infrastructure Assessment of Iran. 30 December 1992. Science Applications International Corporation, p.4)

Гражданские программы Ирана в химической и фармацевтической сферах достаточно обширны. В стране был принят курс на развитие этих отраслей промышленности. На его осуществление были выделены значительные ассигнования, по некоторым данным более миллиарда долларов. Предполагалось осуществить закупки предприятий этих отраслей за рубежом. Соответствующие переговоры велись со многими странами. Однако под давлением США почти все отказались от дальнейшего сотрудничества.

В стране действует целый ряд химических и фармацевтических предприятий. Не вызывает сомнений тот факт, что рассматриваемые отрасли в Иране являются одними из наиболее продвинутых в странах ТМ. Так, Иран на 85% обеспечивает собственные потребности в различных лекарственных препаратах (*Iran Focus*, July 1990, p.12), отдельные виды лекарственных препаратов экспортируются. Разработки в области химпрома активно применяются в сельском хозяйстве.

Отличительной чертой данных отраслей промышленности Ирана является высокая степень зависимости от зарубежного сотрудничества. Причем это проявляется не только в виде закупки современного оборудования. Даже те предприятия, которые полностью оборудованы, не могут работать автономно, так как на 85% зависят от зарубежных поставок сырья, реактивов и т.д.

Достоверных данных о наличии в Иране военных химических и биологических программ нет. Однако ряд специалистов высказывают подобные опасения. Они основываются, в том числе, и на свидетельствах самих иранских лидеров. Так, в 1988 году Рафсанджани заявил, что у Ирана были возможности производить все виды ХО, принятого на вооружение в армиях других стран (FBIS-NES-88-158, 16 August 1988, p.50).

Предполагается, что Иран приступил к проработке вопроса о создании ХО и, возможно, БО в середине восьмидесятых годов. Наиболее часто в этой связи называют 1984 год. Это было связано с успешным применением ХО иракской стороной во время военных действий. В то время иранские лидеры заявили о том, что их страна в принципе способна создать ХО, обладая необходимой для этого технологической базой.

Однако перед лидерами исламской революции стоял ряд морально-этических проблем, которые они не могли долгое время разрешить. Спор шел о возможности использования правоверными мусульманами подобного оружия. По всей видимости, обсуждали именно такую коллизию, поскольку к концу восьмидесятых годов,

когда, как предполагается, Иран все-таки перешел к производству ХО, никаких значительных прорывов в иранской химической промышленности не произошло.

Предположения о том, что в конце восьмидесятых годов Иран приступил к производству ХО, основываются на заявлении высокопоставленного политического деятеля Ирана. В конце 1987 года премьер-министр Ирана Хусейн Мусави сделал такое заявление, одновременно, правда, подчеркнув, что оно может быть применено только в крайнем случае (Iran making Toxic Arms, Official Says. *Philadelphia Inquirer*, 28 December 1987, p.1). Это единственный пример подобного признания в открытой печати со стороны крупного иранского чиновника. К тому же, его довольно быстро попытались дезавуировать. Сам Мусави три дня спустя заявил, что возможности по производству есть, но решения о начале производства не было принято (Iranian Back of Claims for Weapons. *Washington Times*, 31 December 1987, p.9). Такая формулировка, насколько можно судить, и стала официальной: в последствии лидеры Ирана от нее уже не отступали. Например, в 1988 году она была еще раз повторена Рафсанджани.

Таким образом, достоверных данных о военных химических и биологических программах в Иране нет. Предположения, основанные на обрывочных высказываниях иранских чиновников, нельзя считать достаточными. Несмотря на отсутствие достоверных данных о самой программе, обычно называют следующие *подозрительные* объекты: Центры в Тегеранском университете, имеющие отношение к исследованиям в области фармацевтики, биохимии, микробиологии, иммунологии, Институт Пастера в Тегеране, Госпиталь Имам Реза: исследования в области защиты от поражающего воздействия ХО, Университет медицинских наук.

Логично предположить, что военные программы в рассматриваемых областях должны проводиться по той же организационной схеме, что и остальные военные программы в Иране. То есть под контролем министерства обороны, Организации оборонной промышленности (DIO), либо Корпуса стражей исламской революции, в котором есть подразделение аналогичное DIO. Мы не располагаем данными, подтверждающими наличие в этих центрах соответствующей материальной базы. Более того, объекты, которые обычно относят к числу *подозрительных*, насколько известно, не контролируются названными ведомствами.

Таким образом, нет достоверных свидетельств того, что Иран обладает каким-то из видов ОМУ. С высокой степенью уверенности можно лишь говорить о стремлении этой страны к приобретению огневых средств поражения значительной дальности, что, впрочем, естественно, если учесть, что важные стратегические противники Ирана не граничат с ним. Следовательно, необходимы дистанционные средства поражения, и их появление у Ирана вполне прогнозируемо.

Перспективы создания в Иране ОМУ не вполне ясны. Объясняется это тем, что современный уровень химической и фармацевтической отраслей промышленности позволяет стране провести военные программы в этих областях. Однако нет подтверждений того, что руководством страны была проявлена соответствующая политическая воля, и было принято политическое решение, открывающее дорогу военным химическим и биологическим программам. Данный фактор является в значительной степени субъективным, и поэтому слабо поддается прогнозированию. Можно лишь отметить, что сдерживающим моментом для Ирана будет зависимость его химпрома от зарубежного сотрудничества даже в условиях наличия

производственной базы. В то же время сотрудничество в этих областях с Ираном вряд ли может оказать решающее воздействие на его способность проводить военные программы в этих областях. Степень зависимости оно, как предполагается, принципиально не снизит. Даже если Иран попытается *автоматизировать* свои возможности в данных сферах, то эти попытки будут легко идентифицируемы, поскольку потребуют структурной перестройки целой отрасли промышленности. При наличии признаков, подтверждающих такое развитие событий, можно пойти на ограничение сотрудничества. В остальных случаях последнее не обоснованно и, по сути, является дискриминацией страны.

⁴ Так, в начале марта 1998 года в Стамбуле прошло совещание министров иностранных дел стран Каспийского бассейна. На него не были приглашены ни представители РФ, ни Ирана. См.: Борис Виноградов. Каспийская *пятерка* без России и Ирана. *Известия*, 3 марта 1998, с.2

⁵ Интервью Леонида Ганкина с министром иностранных дел Исламской Республики Иран. Камаль Харрази: мы не ищем доступа к оружию массового уничтожения. *Коммерсант-Daily*, 27 февраля 1998, с.5

Полностью совпадающими позиции РФ и Ирана назвать нельзя. По некоторым сведениям, Иран выражал недовольство планами российской стороны по разделу каспийских ресурсов. (См.: Александр Реутов. Российско-иранские переговоры. *Независимая Газета*, 26 февраля 1998, с.2). Кроме этого, надо учесть, что крупнейшие российские нефтяные компании уже участвуют в освоении некоторых месторождений, что, по мнению Тегерана, недопустимо до выработки окончательного решения по вопросу о правовом статусе Каспийского моря.

Россия и Иран поначалу придерживались практически идентичных позиций в этом вопросе, считая, что ресурсы Каспия не надо делить, а необходимо осваивать совместно. Однако постепенно РФ от такой точки зрения фактически отказалась. В последнее время появились признаки еще большей поляризации позиций двух стран по каспийскому узлу. В начале июля Россия и Казахстан подписали соглашение «О разграничении дна северной части Каспия». Через несколько дней Иран и Туркменистан обнародовали совместную декларацию, в которой подвергли критике российскую позицию и выступили за раздел всего моря и его ресурсов. (Юрий Чубченко. Прикаспийская *пятерка* окончательно раскололась. *Коммерсант-Daily*, 8 июля 1998, с.3)

⁶ Сообщение пресс-службы министерства обороны Российской Федерации, 13 февраля 1998, док. 1998-02-13-003

⁷ Михаил Кириллин. Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами. *Ядерный Контроль*, №2, март-апрель 1998, с.37

⁸ Betsy Perabo. A Chronology of Iranian's Nuclear Program. Betsy Perabo. Released on 25 September 1992. Monterey Institute of International Studies, p.2

⁹ Barney F. The invisible bomb: The nuclear Arms Race in the Middle East. London, Tauris. 1989, p.120

¹⁰ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.7

¹¹ Ibid., p.7

¹² Barney F. Op. cit., p.120

¹³ Jahangir Amuzegar. The Iranian Economy Before and After The Revolution. *Middle East Journal*, №3, Vol.46, Summer 1992, pp.419-420

¹⁴ *Nuclear Fuel*, 6 January 1992, pp.9-10

¹⁵ А. Барановский. Российские энергостроители будут достраивать иранскую АЭС. *Сегодня*, 10 июля 1995, с.3

¹⁶ Ibid., p.9

¹⁷ *National Security Quarterly*, №3, Vol.1, 1993, pp.30-33

¹⁸ С 1981 до начала девяностых годов ОАЭИ возглавлял Моххамад Аятоллах, его сменил на этом посту Реза Амроллахи, вслед за которым в 1997 году был назначен Реза Ага-Заде. С 1989 года руководитель ОАЭИ одновременно являлся вице-президентом страны. Совмещение этих должностей дало повод говорить об особом внимании иранских властей к ядерной энергетике.

¹⁹ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.9

²⁰ Ahmed Hashim. Resurgent Iran: New Defense Thinking and Growing Military Capabilities./Eric Arnett, Thomas Wander (eds.). The Proliferation of Advanced Weaponry in the Third World. Washington, American Association for the Advancement Science. 1992, p.7

²¹ Это две основные военные структуры Ирана. В каждой из них есть подразделения, занимающиеся военными разработками (предполагается, что они частично дублируют друг друга, что вполне возможно, если учесть дух конкуренции, присущий их отношениям). После реформирования в девяностые годы, которое заключалось в слиянии некоторых подразделений, структура, занимающаяся закупками и разработками военной техники и вооружений в министерстве обороны стала называться DIO. Обозначение соответствующей структуры в Корпусе стражей исламской революции нам неизвестно.

²² Betsy Perabo. Op. cit., p.3

Это, безусловно, не полный список стран, в различное время сотрудничавших с Ираном в ядерной области. Автор не ставит перед собой задачу рассмотреть связи Ирана с другими странами в этой области. Необходимо лишь подчеркнуть, что эти связи обширны.

²³ Barneby F. Op. cit., p.120

²⁴ В Исламабаде удовлетворены. *Российская Газета*, 28 августа 1998, с.1

²⁵ Об этом сообщил посол Пакистана в Турции газете *Turkish Daily News*, правда, его слова относились и к Пакистану, и к Индии: «Я надеюсь и я думаю, что ни Пакистан, ни Индия не будут передавать технологии Ирану...», он добавил, что от его страны Израиль получил *определенные гарантии* в этом плане. Цит. по Report: Pakistan won't share nuclear technology with Iran. *Jerusalem Post*, 16 June 1998, p.1

²⁶ Уже после ядерных испытаний отношения между Ираном и Пакистаном вновь обострились в связи с афганской проблемой. Иран благосклонно отреагировал на пакистанские испытания и резко критически на Индийские, поскольку тесные связи Индии и Израиля давали возможность дискредитировать Израиль, обвиняя его в поддержке индийских программ.

²⁷ Были сообщения, что иранские спецслужбы распространяли слухи о причастности Израиля к ядерным разработкам Индии. Израиль не создавал ядерной бомбы для Индии. *Коммерсант-Daily*, 9 июня 1998, с.5

²⁸ Andrew Koch, Jeanette Wolf. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? *Nonproliferation Review*, №1, Vol.5, Fall 1997, p.127

²⁹ Ibid., p.127

³⁰ Беседа с заместителем министра по атомной энергии РФ Евгением Решетниковым. Россия проигрывает атомную войну? *Московские Новости*, №17, 12-19 марта 1995

³¹ Возможно, некоторую роль здесь сыграла и позиция Туркмении, которая высказалась резко против строительства АЭС у Каспия. *Известия*, 6 марта 1993, с.1

³² Поскольку начинала строить эту станцию ФРГ, то после этого предложения Минатом обращался к министру экономики ФРГ с предложением рассмотреть возможность совместных работ. Но немецкая сторона не проявила заинтересованности. (Б. Коновалов. Россия

построит для Ирана атомную станцию. *Известия*, 26 января 1995, с.2)

³³ *Nucleonics Week*, 17 September 1992, pp.3,4

³⁴ *Nuclear News*, May 1993, p.20

³⁵ *Energy Daily*, 15 July 1993, p.10

³⁶ *Nuclear News*, May 1993, p.20

³⁷ *UPI*, 21 November 1994

³⁸ *Al-Sharq Al-Awsat (London)*, 26 July 1993, p.1

³⁹ Борис Коновалов. Россия построит для Ирана атомную станцию. *Известия*, 26 января 1995, с.2

⁴⁰ Александр Корецкий. Ирану по-прежнему верят не все. *Коммерсант-Daily*, 11 февраля 1995

⁴¹ Станция была, *во-первых*, не достроена немцами, а, *во-вторых*, подвергалась бомбардировкам во время войны с Ираком.

⁴² Минатом готовит новые сделки с Ираном. *Известия*, 6 мая 1995

⁴³ По мнению американских специалистов, именно усилия американцев сузили начальные масштабы сотрудничества с четырех до одного реактора. *Мир и Мы-5 (Итаp-Tacc*, 4 апреля 1996). *Christian Science Monitor* о влиянии иранского фактора на американско-российские отношения.

⁴⁴ См. например: *Известия*, 22 июля 1995, с.3

⁴⁵ Антон Суриков, Игорь Сутягин. Ядерный табачок – врозь. *Сегодня*, 30 июня 1995

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Один из чиновников Минатома в разговоре с нами отреагировал на проблему возврата ОЯТ примерно следующим образом: какое ОЯТ, когда станция не работает?... далее он уточнил, что проблемы возврата ОЯТ вообще никогда не существовало. Иранский источник прокомментировал проблему следующим образом: ОЯТ по контракту будет возвращаться в Россию на переработку, пока трудностей нет, так как нет АЭС, сначала надо ее достроить, а потом, если будут трудности, решать их.

⁴⁸ Александр Корецкий. Тегерану по-прежнему верят не все. *Коммерсант-Daily*, 11 февраля 1995

⁴⁹ Steven Greenhouse. Iran Offers to Return Spent Fuel. *New York Times*, 5 May 1995

⁵⁰ Беседа с заместителем министра по атомной энергии РФ Евгением Решетниковым. Россия проигрывает атомную войну? *Московские Новости*, №17, 12-19 марта 1995

⁵¹ В. Неделин. Вашингтон раздражен ядерной сделкой Москвы и Тегерана. *Известия*, 15 февраля 1995

⁵² Минатом готовит новые сделки с Ираном. *Известия*, 6 мая 1995

⁵³ См. например: Russian-Iranian protocol provides evidence of discussions, but no firm agreement, on sale or centrifuge plant for uranium enrichment. *Natural Resources Defense Council, News Release*, 10 May 1995, 8.30 a.m.

⁵⁴ *Washington Post*, 3 July 1997

⁵⁵ *Washington Times*, 10 January 1995, p.A13

⁵⁶ Часть отечественных специалистов считала, что Иран стремится к приобретению плутония для военных нужд и поэтому закупает *ненадежные* российские реакторы. (Маслов В.П., Мясников В.П.. Об атомной сделке Россия – Иран. *Известия*, 18 апреля 1995). О том, что российский реактор будет производить оружейный плутоний заявлял и А. Яблоков, тогда председатель комиссии СБ РФ по экологической безопасности. (*OMRI Daily Report*, №38, Part I, 22 February 1995). Он же заявлял, что выполнение контракта с Ираном может привести к появления близ российских границ государства, обладающего ядерным оружием. (*Интерфакс*, 15 апреля 1996)

⁵⁷ Александр Корецкий. Битва за мирный атом: не обманешь – не продашь. *Коммерсант-Daily*, 11 марта 1995

⁵⁸ *Коммерсант-Daily*, 27 октября 1992

⁵⁹ Алексей Яблоков. Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома. *Ядерный Контроль*, октябрь-ноябрь 1997, с.44

⁶⁰ *Nuclear Fuel*, 13 January 1997

Хотя это было сделано не сразу. Во время визита Бликса в Иран в октябре 1996 года Иран отверг дополнительный мониторинг. (*Nuclear Fuel*, 23 October 1996)

⁶¹ Евгений Решетников: «Для нас жизненно необходимо остаться на мировом рынке ядерных технологий». *Итоги*, 1 апреля 1997, с.34

⁶² В. Неделин. «Россия проклянет этот день» – утверждает госсекретарь США Кристофер, имея в виду иранскую ядерную сделку. *Известия*, 31 марта 1995

⁶³ Steven Greenhouse. Iran Offers to Return Spent Fuel. *New York Times*, 5 May 1995

⁶⁴ *Мир и Мы-5 (Итаp-Тасс*, 4 апреля 1996). *Christian Science Monitor* о влиянии иранского фактора на американо-российские отношения.

⁶⁵ Iran Offers to Return Spent Nuclear Fuel, *New York Times*, 5 June 1995

⁶⁶ *Итаp-Тасс*, 3 мая 1995

Судя по приводившимся документам, в российско-иранских соглашениях не было *военной части*. По всей видимости, российский президент имел в виду оборудование для обогащения урана и военные (конвенциональные) поставки.

⁶⁷ Леонид Велехов. Альберт Гор ждет *реальных свершений* от Виктора Черномырдина. *Сегодня*, 30 июня 1995

⁶⁸ Нетаньяху рассчитывает на влияние России. *Российские Вести*, 12 марта 1997, с.1

⁶⁹ *Коммерсант-Daily*, 11 марта 1997, с.2

⁷⁰ *Jamestown Monitor*, 14 April 1997

⁷¹ Александр Реутов. Российско-Иранские переговоры. *Независимая Газета*, 26 февраля 1998, с.2

⁷² Режим не нарушали. *Российская Газета*, 10 марта 1998, с.1

⁷³ Дмитрий Горностаев, Аркадий Орлов. За улыбками скрыты большие противоречия. *Независимая Газета*, 13 марта 1998, с.1

⁷⁴ Россия – США: уступка за уступку? *Красная Звезда*, 11 марта 1998, с.3

⁷⁵ Россия приступила к реализации контракта с Ираном. *Сегодня*, 7 февраля 1996

⁷⁶ Юрий Чубченко. Атомная война за Иран. *Независимая Газета*, 7 марта 1998, с.3

⁷⁷ То же.

⁷⁸ Александр Реутов. Российско-Иранские переговоры. *Независимая Газета*, 26 февраля 1998, с.2

⁷⁹ *Российская Газета*, 12 марта 1998, с.7

⁸⁰ Владимир Михеев. Москва поделится мирным атомом с Тегераном. *Известия*, 8 апреля 1998, с.1

⁸¹ По всей видимости, министр по атомной энергии делает намек на историю урегулирования американо-китайских отношений, которое началось с визита в Китай американской команды по пинг-понгу.

⁸² Владимир Михеев. Москва поделится мирным атомом с Тегераном. *Известия*, 8 апреля 1998, с.1

⁸³ Российская сторона оперативно отреагировала на подобные заявления. Официальный представитель МИД РФ 10 апреля выступил с опровержением приведенных данных, связав их именно с недавним заявлением Минатома: «... видимо, не случайно статья в *Jerusalem Post* появилась вскоре после заявления Евгения Адамова о намерении поставить Ирану исследовательский реактор с обогащением менее 20%, что полностью входит в установленные МАГАТЭ правила». Россия не продавала Ирану ядерного оружия. *Независимая Газета*, 11 апреля 1998, с.1

⁸⁴ Андрей Ваганов. АЭС в Бушере будет достроена. Минатом подтверждает свою готовность к продлению

сотрудничества с Ираном. *Независимая Газета*, 12 мая 1998, с.6

⁸⁵ Скорее всего процесс принятия политического решения по этому вопросу не будет простым и быстрым. Собственно это понимает и сам министр по атомной энергии, что следует из его оговорки, что такое решение еще придется обговаривать с США. Владимир Михеев. Москва поделится мирным атомом с Тегераном. *Известия*, 8 апреля 1998, с.1

⁸⁶ Там же

⁸⁷ Заказ на турбины для АЭС должен был выполнять харьковский завод *Турбоатом*, сумма заказа оценивается в 45 миллионов долларов. (Виталий Панов. Американский журавль против иранской синицы. *Российская Газета*, 11 марта 1998, с.7)

По всей видимости, в украинском руководстве были определенные разногласия по данному вопросу. Вскоре после заявления об отказе участвовать в проекте первый заместитель министра иностранных дел Украины Антон Бутейко заявил: «Отказ от участия в строительстве АЭС в Бушере не означает снижения интереса Украины к сотрудничеству с Ираном» (Аркадий Медведев. Кто-то теряет, кто-то находит. Еще раз о визите госсекретаря США. *Российская Газета*, 12 марта 1998, с.7). Пока не решен и вопрос о неустойке за отказ выполнять контрактные обязательства.

⁸⁸ *Российская Газета*, 12 марта 1998, с.7

⁸⁹ Там же. См. также: А. Портанский. Главными темами в Вашингтоне были космос и ядерные технологии. *Финансовые Известия*, 12 марта 1998, с.1

⁹⁰ Вадим Маркушин. Партнерство не игра в поддавки. *Красная Звезда*, 14 марта 1998, с.2

⁹¹ Иван Шомов. США грозят Китаю новыми санкциями. *Сегодня*, 14 июля 1995

⁹² Barneby F. Op. cit., p.120

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Иван Шомов. США грозят Китаю новыми санкциями. *Сегодня*, 14 июля 1995

⁹⁵ Там же

⁹⁶ Спектор Л., Макдонаф М. По следам ядерного распространения: путеводитель в картах и таблицах. Иран. *Ядерное Распространение*, №7, май 1995, с.22

⁹⁷ Александр Корецкий. Ядерные грибы на картофельном поле. *Коммерсант-Daily*, 24 июля 1995, с.4

⁹⁸ Там же

⁹⁹ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Доклад СВР. Москва 1995, с.51-52

¹⁰⁰ То же, с.51

¹⁰¹ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., с.25

¹⁰² Russian-Iranian protocol provides evidence of discussions, but no firm agreement, on sale or centrifuge plant for uranium enrichment. *Natural Resources Defense Council, News Release*, 10 May 1995, 8.30 a.m.

¹⁰³ Andrew Koch, Jeanette Wolf. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? *Nonproliferation Review*, №1, Vol.5, Fall 1997, p.130

¹⁰⁴ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., стр.25

¹⁰⁵ *Известия*, 22 июня 1995, с.3

¹⁰⁶ В ответ Иран тут же подал реплику, что это заявление *безответственно*, и обвинил Великобританию в помощи в развитии ядерных программ некоторых стран и попытке встать *над законом*. (Как продлевали ДНЯО. *Ядерный Контроль*, №7, июль 1995, с.6)

¹⁰⁷ Не безынтересно, что американский президент сделал это заявление на обеде во время Всемирного еврейского конгресса, который проходил в те же дни, что и КРПДНЯО, в США. К тому же незадолго до этого Билл Клинтон провел встречу с министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом. Многие обозреватели отметили, что такое решение вряд ли было принято без настойчивого давления израильского лобби. И это при том, что сам Израиль все время работы Конференции

подвергался критике за развитие собственной ядерной программы и отказ присоединиться к ДНЯО в качестве неядерной страны. (Как продлевали ДНЯО. *Ядерный Контроль*, №8, август 1995, с.22)

¹⁰⁸ Цит. по: Как продлевали ДНЯО. *Ядерный Контроль*, №7, июль 1995, с.21

¹⁰⁹ См. например: *Los Angeles Times*, 27 January 1991, pp.A1, A28-A29

¹¹⁰ Barneby F. Op. cit., p.139

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Это позволяет говорить о *двойных стандартах* в политике США в области ядерного нераспространения. В англосаксонской системе права прецедент является источником права, стало быть дискриминация Ирана на основании подозрений в нелегальном приобретении ядерных компонентов должна рассматриваться как основание для подобных же действий в отношении Израиля.

¹¹⁴ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., с.22

¹¹⁵ Betsy Perabo. Op. cit., p.18

¹¹⁶ В декабре 1991 года в западных средствах массовой информации прошло сообщение том, что из Казахстана через Туркменистан в Иран были доставлены ядерные боеголовки, через несколько месяцев транзитным пунктом называли уже Болгарию. (См. A Chronology of Iranian's Nuclear Program, by Betsy Perabo. Released on 25 September 1992. Monterey Institute of International Studies, p.19) В последующие два месяца казахстанские и российские официальные лица неоднократно опровергали эти сообщения. Новую силу скандалу придало заявление вице-президента разведывательной службы Германии (БМД) в марте 1992 года о том, что в Иран были перевезены две ядерные боеголовки из трех, недостающих в Казахстане, а также системы доставки для них. Российские и казахстанские власти опровергли и эти сообщения. Российский генерал Виктор Самойлов, правда, заявил, что три ядерные боеголовки не были найдены в Казахстане, определив это словом *недостача*. Правда, уже в июне 1992 года казахстанские представители заявили, что эти боеголовки были обнаружены в Семипалатинске.

¹¹⁷ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., с.22

¹¹⁸ *Nucleonics Week*, 23 May 1991, pp.1, 10-11

¹¹⁹ Andrew Koch, Jeanette Wolf. Op. cit., p.123

¹²⁰ Интересно, что еще в 1984 году в *Jane's Defense Weekly* появилось сообщение со ссылкой на доклад спецслужб ФРГ, что Иран будет обладать ЯО через два года. (A Chronology of Iranian's Nuclear Program, by Betsy Perabo. Released on 25 September 1992. Monterey Institute of International Studies, p.6)

¹²¹ *Defense and Foreign Affairs Weekly*, 8-14 October 1990, p.4

¹²² *Nucleonics Week*, 20 September 1990, pp.1, 10-12

¹²³ См. например: *Washington Times*, 14 June 1991, p.A3

¹²⁴ Andrew Koch, Jeanette Wolf. Op. cit., p.131

¹²⁵ Цит. по: Betsy Perabo. Op. cit., p.2

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.7

¹²⁸ *Wall Street Journal*, 18 March 1992, pp.A1, A10

¹²⁹ *Washington Post*, 22 November 1991, pp.A35, A38

¹³⁰ *Wall Street Journal*, 24 July 1991, p.A10

¹³¹ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.11

¹³² Александр Корецкий. Ядерные грибы на картофельном поле. *Коммерсант-Daily*, 24 июля 1995, с.4

¹³³ Алексей Яблоков. Цит. соч., с.44

¹³⁴ Betsy Perabo. Op. cit., p.3

¹³⁵ Ibid., p.5

¹³⁶ Ibid., p.6

¹³⁷ David Albright. The Russian/Iranian Reactor Deal. Institute for Science and International Security. 20 March 1995.

¹³⁸ Цит. доклад CBP, с.51

¹³⁹ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.7

¹⁴⁰ Andrew Koch, Jeanette Wolf. Op. cit., p.125

¹⁴¹ Ibid., p.126

¹⁴² Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.14

¹⁴³ Интервью Бориса Коновалова с вице-президентом Ирана Реза Амроллахи. Создать атомную бомбу Иран, может быть, и хочет. Но вряд ли сможет в обозримом будущем. *Известия*, 22 июля 1995, с.3

¹⁴⁴ Опасения по поводу возможностей нелегального приобретения урана в этом регионе обострились после того, как в середине 1993 года в районе иранско-иракской границы была вскрыта попытка продать несколько граммов ВОУ. Продавцом был курдский беженец Бехзад. Хотя тогда по понятным политическим причинам этот случай связали прежде всего с иракской ядерной программой, следы которой в то время активно искали. *Observer*, 27 June 1993. Такая подоплека этого дела, правда, наводит на мысль о возможности провокации в этом случае.

¹⁴⁵ Dann L.A. Controlling the Bomb. Nuclear proliferation in the 1980s: A twentieth century fund report. New Haven, London: Yale University Press, 1982, p.26

¹⁴⁶ Нарабатываемого на двух иранских реакторах плутония явно недостаточно для военных целей. *IPS Daily Journal*, 11 January 1995

¹⁴⁷ Ibid., p.25

¹⁴⁸ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.16

¹⁴⁹ Ibid.,p.5

¹⁵⁰ Ibid., p.6,8

¹⁵¹ См. например: *Congressional research Issue Brief*, 24 August 1992, pp.1-15. А также: *Risk Report*, August 1995, p.5. *Nucleonics Week*, 30 March 1995

¹⁵² См. например: *Washington Post*, 1 February 1993, pp.A12, A15. А также: *Tehran Times (English)*, 28 December 1993, p.2. *New York Times*, 14 May 1995

¹⁵³ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.8

¹⁵⁴ Цит по: Steve Coll, Teheran Ambiguous on It's A-Arms Plans. *Washington Post*, 17 November 1992, p.A30

¹⁵⁵ По этому поводу есть различные точки зрения. Собственно, вопрос из плоскости рассмотрения возможностей использования национальных технических средств переходит в плоскость рассмотрения перспектив применения систем дистанционного мониторинга ядерной деятельности, причем на кооперативной (международной основе). Сейчас проводятся работы по созданию эффективных систем дистанционного мониторинга. (Подробнее см.: Владимир Сухоручкин, Владимир Шмелев, Александр Румянцев, Александр Григорьев, Марк Сажнев. Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. *Ядерный Контроль*, №23, ноябрь 1996, с.12-14). Однако пока вызывает сомнения способность этих систем полностью заменить инспекции на местах.

¹⁵⁶ *Iran Brief*, 3 July 1997

¹⁵⁷ Iran Claims Improved Missile Ability. 10 October 1997, 3:36 p.m. EDT. *Federal Retirement Software*, www.Goalwatcher.com

¹⁵⁸ О ракетной программе Ирана. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.2

¹⁵⁹ Iran Claims Improved Missile Ability. 10 October 1997; 3:36 p.m. EDT. *Federal Retirement Software*, www.Goalwatcher.com

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ О ракетной программе Ирана. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.2

¹⁶² Там же

¹⁶³ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., с.25

¹⁶⁴ О ракетной программе Ирана. *Экспорт Обычных Вооружений* №10-11 (18-19), 1997, с.3

¹⁶⁵ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.23

¹⁶⁶ *Washington Times*, 17 June 1997

¹⁶⁷ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.19

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Структура ракетных объектов Ирана выглядит примерно следующим образом:
Тегеран: НИОКР и производство НУР.
Семнан: производство артиллерийских ракет.
Испытательный полигон для баллистических ракет.
Парчин: место реализации оборонных проектов. Парчин связан с производством твердого топлива для ракет.
Производство нескольких типов НУР, например, *Охаб*, *Назеат-10*, ракет класса *воздух-воздух*, *поверхность-воздух*, противотанковых *Тоу*, а также сборка ракет *Scud* или ракет на базе *Scud*.
Абадан: производство НУР.
Алибад: оборудование для испытательных запусков ракет.
Арак: НИОКР по НУР модификации *Scud-C*.
Бандар-Э-Аббас: производство НУР.
Доруд: НИОКР по НУР.
Исфахан: производство ракет *поверхность-поверхность* (*Scud-B*, *Scud-C*) путем сборки компонентов, закупленных в Северной Корее и Китае. НИОКР по НУР.
Производство корпусов ракет.
Гармсар: ракетно-испытательный полигон.
Карадж: НИОКР и производство НУР.
Хоррамабад: сборка НУР.
Кух-Э-Барджамали: оборудование для испытательных пусков и полигон для испытания жидко-топливных ракетных двигателей.
Гостареш: НИОКР по НУР.
Манзариях: НИОКР по НУР и производство топлива.
Шахрияр: с помощью КНР Иран планирует создать предприятие по производству ракет.
Шахроуд: Иран с помощью КНР построил в 1988 году крупный ракетный комплекс по производству ракет *Silkworm*.
Сирджан: НИОКР по НУР и топливу, склад ракет *Silkworm* и М-11, поставленных КНР.
Тебрия: производство НУР модификации *Scud-C*.
Саржизи: производство НУР.
Массхад: производство НУР, испытательно-производственный полигон для твердотопливных ракетных двигателей.
Окараман: завод по производству *Scud*.

¹⁷⁰ О ракетной программе Ирана. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.3

¹⁷¹ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.22

¹⁷² Ibid., p.6

¹⁷³ Ibid., pp.6-7

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Iran Claims Improved Missile Ability. 10 October 1997, 3:36 p.m. *Federal Retirement Software*, www.Goalwatcher.com

¹⁷⁶ Paul Bernstein, John Shields, Barry Walrath. Op. cit., p.19

¹⁷⁷ Спектор Л., Макдонаф М. Цит. соч., с.22

¹⁷⁸ О ракетной программе Ирана. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.3

¹⁷⁹ Там же

¹⁸⁰ Там же

¹⁸¹ Там же

¹⁸² Там же

¹⁸³ Там же

¹⁸⁴ См. например: Russia and Missile Proliferation. Statement by Richard H. Speier before the Subcommittee on International Security, Proliferation, and Federal Services of the Committee on Governmental Affairs, U.S. Senate, 5 June 1997. *Monitor*, №3, Vol.3, Summer 1997

¹⁸⁵ Russia Seeks to Allay Israel, US on Alleged Iran Cooperation. *Disarmament Diplomacy*, October 1997, p.48

¹⁸⁶ К. Петров. У контрразведчиков все больше работы. Шпионы и террористы не унимаются. *Красная Звезда*, 18 ноября 1997, с.3.

По этому делу троих иранцев, причастных к размещению заказа, не стали привлекать к уголовной ответственности, а просто выслали из страны. (А. Сашин. В России все меньше иранцев. *Коммерсант-Daily*, 18 ноября 1997, с.7)

¹⁸⁷ То же

¹⁸⁸ Россия не поощряет сотрудничества своих предприятий с Ираном в ракетной области. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.6.

Наказание ограничилось тем, что иранца, контактировавшего с российским гражданином, выслали из России и запретили въезд еще двум представителям фирмы, которую он представлял (видимо, корпорацию *Санам*).

¹⁸⁹ Гражданин Ирана хотел купить секреты российских ракет. *Сегодня*, 15 ноября 1997, с.1.

По каналу РТР показали станцию метро, контуры двух человек на скамейке, оживленно о чем-то разговаривающих, группу захвата ФСБ, бегущую по направлению к этим людям и одного из участников диалога на скамейке, которого *запихивали* в машину сотрудники ФСБ. Кадры сопровождал краткий комментарий: «Благодаря умелым действиям ФСБ удалось предотвратить передачу документации, имеющей отношение к ракетной технике, из одного из оборонных предприятий Москвы. Имя продавца и название предприятия в интересах следствия не раскрываются».

Реза Теймури, иранский студент, работавший *переводчиком* в посольстве Ирана в Москве, которого также называли *техническим сотрудником* посольства, был задержан с поличным при получении у представителя российского оборонного предприятия (вероятно, это был Мытищинский машиностроительный завод в окрестностях Москвы) конструкторских документов и сведений, подпадающих под категорию 1 РКРТ, но не являющихся секретными. Большая часть денег, составляющих десятки тысяч долларов, была продавцу уже заплачена. Скандал, поднятый ФСБ вокруг этого случая, на неделю задержал визит в Москву министра иностранных дел Ирана.

Руководствуясь оперативными данными и международными интересами, уголовного дела (статья 189 УК о нанесении угрозы безопасности государства путем распространения ОМУ, материалов, технологий ОМУ, а также услуг, ведущих к получению ОМУ) возбуждено не было, и ФСБ ограничилось дознанием. Со ссылками на сотрудников ФСБ сообщалось, что это было сделано «в силу ряда причин политического характера» (Иранского гражданина высылают из России. *Независимая Газета*, 18 ноября 1997, с.1). Реза Теймури был передан посольству Ирана и вечером 18 ноября покинул Москву (*Ракетчика* отправили на родину. *Сегодня*, 18 ноября 1997, с.1).

Посольство Ирана воздерживалось от комментариев. Официальная позиция Тегерана состоит в том, что получение документации по ракетной технике и Реза Теймури к посольству отношения не имеют, Иран не стремится к получению ракетной техники, а программы Ирана – исключительно мирные.

¹⁹⁰ Michael R. Gordon, Eric Schmitt. Washington Queries Moscow Crackdown on Iran. *Moscow Times*, 28 April 1998, p.4.

Согласно первым данным российских источников, ФСБ задержала в Москве ряд иностранцев, причастных к торговле металлом, которые намеревались вывезти через Азербайджан в Иран около 22 тонн

легированной стали. Сам металл не российского производства, а ввезен из северной Европы (Геннадий Чародеев. Контрабандисты попались в сети Лубянки. *Известия*, 24 апреля 1998, с.3). Позже стало известно, что американцы направляли информацию о подготовке операции по контрабанде стали, но их данные были неполными и неточными (Подсказка Вашингтона не пригодилась. *Известия*, 12 мая 1998, с.7). В результате предотвратить это на более ранних этапах оказалось невозможно. По данным из Центра общественных связей ФСБ, по американской информации «*чекистами были арестованы совсем другие злоумышленники*».

¹⁹¹ Россия не поощряет сотрудничества своих предприятий с Ираном в ракетной области. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.6

¹⁹² В течение 1996 года ЦАГИ провел следующие переговоры с иранской стороной: Февраль 1996 года – об испытании модели руля в аэродинамической трубе ЦАГИ (2 пуска). Испытания проведены.

Об исследовании возможности постройки нескольких аэродинамических труб с небольшой рабочей частью и различными параметрами и оценки стоимости проекта.

Об испытании методической модели тела вращения в аэродинамических трубах ЦАГИ (14 пусков) с целью демонстрации аэродинамических и пусковых характеристик (были проведены 2 пуска).

Об испытании модели двухместного пассажирского самолета в аэродинамических трубах ЦАГИ.

Апрель 1996 года – переговоры по возможности кооперации в области вертолетных исследований.

Источник: Россия не поощряет сотрудничества своих предприятий с Ираном в ракетной области. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997

¹⁹³ В. Панкин. Сотрудничество за закрытыми дверями. *Коммерсант-Daily*, 12 апреля 1997, с.4

¹⁹⁴ А были ли ракеты? *Московские Новости*, 13-20 апреля 1997

Интересно, что вся эта история была раскрыта накануне визита в РФ премьер-министра Израиля.

¹⁹⁵ Там же

¹⁹⁶ Дмитрий Горностаев, Аркадий Орлов. За улыбками скрыты большие противоречия. *Независимая Газета*, 13 марта 1998, с.1

¹⁹⁷ Национальная служба новостей (index.html), 16 октября 1997

¹⁹⁸ Официально госдеп не признал существование такого списка. (Евгений Бай. Госдеп США составил *черный список*. *Известия*, 22 апреля 1998, с.3)

¹⁹⁹ Точного списка неофициальные источники, через которые была организована утечка информации, не приводили. Но насколько можно судить, в него вошли РКА, ЦАГИ, МАИ, ОКБ *Факел*, НППЦ ИНОР, НИИ *Графит*, Балтийский государственный технический университет, компания МОСО, предприятие *Европалас-2000*, *Главкосмос*, НИИ *Полус*, ГосНИИ приборостроения им. Тихомирова, новосибирский завод им. Коминтерна.

²⁰⁰ Евгений Бай. Госдеп США составил *черный список*. *Известия*, 22 апреля 1998, с.3.

В это время в американском конгрессе уже практически была завершена работа над законопроектом о введении санкций против компаний, нарушающих режим РКРТ, который и был принят через месяц.

²⁰¹ Характерным примером в этой связи является предприятие *Графит*. Американцы называли сотрудничество *Графита* с Ираном подозрительным. Однако официально (а других данных ни американцы, ни

израильяне не предоставили) это сотрудничество ограничивалось поставками в Иран протезов, содержащих графитовые компоненты. (Леонид Ганкин. Кокошин спровоцировал Клинтона. *Коммерсант-Daily*, 30 июля 1998, с.2).

Другим примером является НИИ *Полус*, обвинявшееся в поставках в Иран гироскопов. Однако это оказались лазерные гироскопы, используемые только в гражданской авиации. Большой вес контраргументам специалистов *Полуса* дает и тот факт, что при помощи демпинга американцы практически вытеснили лазерные гироскопы с внутреннего российского рынка. (Юрий Сергеев. *Почтовый ящик* из списка Клинтона. *Известия*, 20 августа 1998, с.4).

Еще один пример – это ОКБ *Факел*. В отношении этой компании санкции введены не были, но, по-видимому, в ранних *черных списках*, например в апрельском, она значилась. ОКБ разрабатывает электрические, ионные и гидразиновые двигатели малой тяги для космических аппаратов (Алексей Рей. «Иранское дело: предприятия и организации, подозреваемые в поставках ракетных технологий в Иран». Серия *Доклады ПИР-Центра*, №7. М., ПИР-Центр, 15 сентября 1998). Эти разработки не только недоступны, но и не нужны Ирану.

²⁰² *Итаp-Тасс*, 17 июня 1998

²⁰³ Министерство науки и технической политики России.

²⁰⁴ Bill Gertz. Russia Sells Iran Missile Metals. *Washington Times*, 20 October 1997, pp.A1, A11; Gordon, Michael R., Schmitt, Eric. Russia Fails to Intercept Missile Material Bound for Iran. *New York Times*, 25 April 1998.

²⁰⁵ Russia Is Assisting Iran's Missile Drive, Says USA. *Jane's Defence Weekly*, 1 October 1997, p.3

²⁰⁶ Bill Gertz. Russia Disregards Pledge to Curb Iran Missile Output. *Washington Times*, 22 May 1997, p.A3; Bill Gertz. U.S. May Punish Russia For Iran Sales. *Washington Times*, 16 October 1997; Bill Gertz. US, Israel Target Missile Aid To Iran. *Washington Times*, 13 September 1997, p.A5

²⁰⁷ <http://www.bxa.doc.gov>

²⁰⁸ Соб. инф.

²⁰⁹ Gordon, Michael R., Schmitt, Eric. Russia Fails to Intercept Missile Material Bound for Iran. *New York Times*, 25 April 1998

²¹⁰ <http://www.fas.org/spp/civil/russia/niigrafit.htm>

²¹¹ Д. Каледин. *Новые Известия*, 17 июля 1998

²¹² Юрий Снегирев. Почтовый ящик из списка Клинтона. *Известия*, 20 августа 1998

²¹³ Леонид Ганкин. Кокошин спровоцировал Клинтона. *Коммерсант-Daily*, 30 июля 1998, с.2

²¹⁴ В частности, компанию МОСО, которую подозревали в поставках металла для изготовления корпусов ракет. По словам самого Ковалева, озабоченности в отношении этой компании не подтвердились. (Интервью *Новым Известиям* Николая Ковалева. *Новые Известия*, 17 июля 1998, с.1, 7)

²¹⁵ Александр Шумилин. Иран салютовал Гору ракетой средней дальности. *Коммерсант-Daily*, 25 июля 1998, с.2

²¹⁶ Роль России в Персидском заливе: тенденции, последствия. *Вопросы Безопасности*, №4, Том 24, февраль 1998, с.3

²¹⁷ Там же, с.4

²¹⁸ Михаил Герасев, Виктор Суриков. Кризис российской оборонной промышленности и перспективы экспорта вооружений. Россия в мировой торговле оружием: стратегия, политика, экономика. Москва, 1996, с.31

²¹⁹ Здесь особое внимание целесообразно уделить проблеме *утечки мозгов*. В российской печати появлялись сообщения о массовом *экспорте* ученых ракетчиков и даже ядерщиков (См. например: Евгения Альбац. Наш человек в Тегеране. *Новая Газета*, 16-22 марта 1998). Подтверждений этих данных из официальных источников нет. Сейчас практически

Научные Записки ПИР-Центра №8

невозможно с высокой долей уверенности сказать, насколько обоснованы опасения, что российские ученые работают в Иране над ракетными и ядерными проектами страны. Можно оперировать лишь косвенными свидетельствами, которые, скорее, свидетельствуют о том, что подобные сведения не подтверждаются. Например, в апрельском *черном списке* госдепа США значились ГосНИИ приборостроения им. Тихомирова и завод им. Коминтерна, их обвиняли как раз в том, что специалисты этих предприятий выезжали на работу в Иран. Однако позже данные организации не были включены в число семи, в отношении которых администрация США ввела санкции. Более того, среди этих семи организаций ни одна не подозревается в отправке специалистов в Иран. Можно с уверенностью утверждать, что в Иран на законных основаниях не выезжали российские специалисты-проектировщики ракет. Однако не исключено, что там работают специалисты в области общего машиностроения, владеющие определенным объемом информации, которая теоретически может быть использована при создании ракетной техники. Но в данном случае практика российской стороны не является исключением из общемировой.

Санкции были введены в отношении Военно-механического института (Балтийский государственный технический университет им. Д.Ф. Устинова), который обвиняют в подготовке иранских студентов и сотрудничестве с *Санам*. В апрельском *черном списке*, насколько известно, присутствовали еще МАИ и МВТУ им. Баумана, однако позже были исключены.

Нельзя сказать, чтобы российское правительство совсем не занималось этой проблемой. Насколько известно, лично Виктор Черномырдин после инцидента 1997 года, когда ФСБ предотвратило передачу иранскому гражданину секретных материалов, рекомендовал прекратить всякое подобного рода сотрудничество с Ираном, включая обучение иранских студентов в области ракетной техники в МВТУ им. Баумана и Балтийском государственном техническом университете в Санкт-Петербурге (Россия не поощряет сотрудничества своих предприятий с Ираном в ракетной области. *Экспорт Обычных Вооружений*, №10-11 (18-19), 1997, с.6). По всей видимости этого в то время не сделали.

²²⁰ Нераспространение ядерного оружия. Проблемы продления ДНЯО. СВР, Москва, 1993, с.52

²²¹ Например, Израиль в 1995 году угрожал подвергнуть бомбардировкам один из ядерных объектов в Иране из-за подозрений в наличии у Ирана военной ядерной программы. (*Independent*, 22 May 1995). Израиль уже однажды осуществил подобную операцию: 7 июля 1981 года израильские ВВС (14 самолетов) разбомбили почти достроенный научно-исследовательский реактор в Ираке. (Barneby F. The invisible bomb: The Nuclear Arms Race in the Middle East. London: Tauris. 1989, p.88). За это Израиль исключили из МАГАТЭ в 1982 году, но спустя три года восстановили. В апреле 1979 на территории Франции были взорваны сердечник и другие части реактора, подготовленные для отправки в Ирак. В этом также подозревали Израиль. (Barneby F. The invisible bomb: The Nuclear Arms Race in the Middle East. London: Tauris. 1989, p.85)